Роберт
БЕРНС

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

84(4Вел)
Б51 – 17

РОБЕРТ БЕРНС

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

87680

169700 г.Печора
ул.Ленина, 24
БИБЛИОТЕКА

2000

Печорская
ЦБС

РОБЕРТ БЕРНС

(1759-1796)

РОБЕРТ БЕРНС

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

в переводах
Евгения Фельдмана

АКАР

2000

ББК 84(4Вл)

Перевод с английского
Е. Д. Фельдмана

В основу настоящего сборника
поэтических произведений Роберта Бернса
положено издание:

The Works of Robert Burns.
Wordsworth Poetry Library. 1994. - XXVI, 635 p

Роберт Бернс (1759-1796) - великий поэт Шотландии. Его творчество популярно не только у него на родине, но и у нас, в России.

Избранные стихотворения Р. Бернса предлагаются в переводах омского поэта-переводчика Евг. Фельдмана.

Многие произведения на русском языке звучат впервые.

ISBN 5-89115-010-7 © ООО "АРКОР", 2000

От переводчика.

Роберт Бернс (1759–1796) – великий шотландский поэт, широко известный в нашей стране – преимущественно в переводах С.Я. Маршака.

Для шотландцев Роберт Бернс – то же, что для россиян – Александр Пушкин.

Любовь к женщине и ненависть к врагу, дружеская попойка и мужицкая драка, нежное свидание, великое сражение, – в его стихах, – тех, что написаны именно на шотландском, а не анльийском языке, – ни лживой строки, ни фальшивой ноты: он их пишет, как дышит.

Потому и я дышал чужим воздухом, как своим.

Полтора года работал я над Бернсом, полтора года говорил от его имени, и все это время говорил „от себя".

Перевёл свыше семи тысяч строк.

Многое на русском языке прозвучит впервые.

Удовлетворив своё любопытство – а что там ещё? – ведь С.Я. Маршак перевёл менее половины стихов Бернса – с удовольствием показываю то, что нашёл.

Эве. Фельдман
Июль 2000 г.
г. Омск

ТЭМ О'ШЕНТЕР

Повесть в стихах

Когда закрытья ждут лавчонки,
Когда открытья ждут бочонки,
Тогда пьянчужная дружина
Спешит во храм святого джина;
Тогда мы, дружка против дружки,
Сдвигаем кружку против кружки;
И думать скоттам неохота
Про те канавы и болота,
Что на пути к родным лачугам
Пройти придется им, пьянчугам,
Меж тем как дома мечут грозы
Их благоверные стервозы.

Так Тэм О'Шентер, друг бутылки,
Из Эйра трусил на кобылке
(Не стоит мир кола и дырки
Из-под эйрширца и эйрширки!)

О Тэм, зазря ты Кэтти мудрой
На "дрянь" ответил "злой лахудрой" -
И получил за это сразу
И "дурака", и "пучеглаза",
Что эль во всякий день базарный
Сосёт, что твой насос пожарный,
Что после пьянки с мукомолом
Горазд уйти босым и голым,
И лошадь с братией кузнечной

“Обмыть” пирушкой бесконечной,
И к потаскухе, всем известной,
Готов явиться в день воскресный, -
За это Кэтти дурачине
Сулила Дуновы пучины*
И встречу с призраками в брюхе
Аллоуэйской церковухи.

Подумать горестно и тяжко,
Как бьётся женщина бедняжка,
А им, мужчинам-выпивохам,
Им - хоть об стенку бей горохом!

В тот вечер на кобылке резвой
Притрюхал Тэм, не в меру трезвый,
Туда, где запах веял бражный
И полыхал огонь очажный.
И рядом, при его персоне,
Был старый друг, сапожник Джонни.
Союз их братский не однажды
Крепило чувство общей жажды.
Беседа потекла бурливо.
Все слаще становилось пиво,
И Тэм с хозяйкою друг дружку
Всё чаще стали брать на мушку.
Сапожник врал, не завирался,
Хозяин смехом заливался.
За дверью буря грохотала,
Но Тэму было горя мало.

Навряд ли пьяницы доселе
Так веселились и косели.
Неслись минуты сладким роем,
Неслись, как пчёлы, над героем,
И Тэм без трона и короны
Царил в пивнушке упоённо!

Но удовольствие - мгновенно:
Сорви цветок - и непременно
Он упадает, увядает,
И так снежинка в речке тает,
И так же ветры веять рады,
Пока не ставишь им преграды,
И так же сила чёрной бури
Стирает радугу в лазури,
И так же кончил Тэм пирушку,
И кверху дном поставил кружку,
И влез на добрую коняжку,
И в ночь погнал её, бедняжку,
Когда вокруг во тьме кромешной
Души не встретишь - даже грешной!

А ветер рвался и метался,
Как будто сдохнуть собирался.
При свете молнии страшенной
Раздался грохот оглашенный:
То Дьявол ради представленья
Устроил светопреставленье!

За Мэгги крепко Тэм держался,
Но то и дело разражался
Проклятьем в адрес каждой кочки
И в адрес этой бурной ночки,
И напевал во хляби мутной,
И озирался поминутно,
Чтоб в этой грозной круговерти
Его врасплох не взяли черти,
Которых, бают, нету злее,
Чем в церкви, слышь, Аллоуэя!*

И вот уж Тэм подъехал к броду,
На коем сгибла тьма народу.
Здесь Чарли пал, пьянчужка местный;
Замёрз торговец неизвестный;
Нашли здесь близко на полянке
Младенца мёртвого останки;
Мать Мунго здесь, над этой травкой,
С собой покончила удавкой...
Внезапно воздух колебнулся,
И Дун от гнева захлебнулся,
И молний огненные шрамы
Зажгли просторы панорамы,
И храм старинный озарился,
И щедрый свет в него пролился
Сквозь бреши, арки, колоннады
Под гром небесной канонады!

Ячменный Джон, с тобой все ясно:
С тобой дружить весьма опасно.
Мы с виски, с элем да под хмелем
В муку и Дьявола размелем!
Готов был Тэмми, клюнув бражку,
На беса двинуть врукопашку.
И на сомнения лошадки
Ответил Тэм ударом пятки.
И в храм погнал ее упрямо,
И в храм вошли... А там... Ой, мама!

Там ведьмаки, тряся огузки,
Плясали - нет, не по-французски:
Вели поганцы те же танцы,
Что мы, природные шотландцы.
Там Старый Ник* сидел, тварюга,
В оконной нише - ну, зверюга!
Громадный пёс, чернее мавра,
Там в трубы дул и бил в литавры.
Он так усердствовал, тупица,
Что сотрясалась черепица.
Гробы, что мрачные корыта,
Стояли с мёртвыми открыто.
У тех в руках горели свечи.
И храбрый Тэм узрел далече
Скелет убийцы в чёрном склепе,
Его ржавеющие цепи;
Двух ребятишек некрещёных

И двух воришек непрощёных:
Во гробе щерились подростки,
Как будто в память о захлёстке;
Лежали сабли, томагавки
В крови запекшейся на лавке;
Петля с задушенным дитятей;
Кинжал, которым с милым тятей
Расчёлся сын; к холодной стали
Седые волосы пристали.
О прочем (розно или купно)
Упоминать - и то преступно.

Чем больше Тэмми, встав у стенки,
На этот шабаш пялил зенки,
Тем громче музыка звучала
Во славу адского начала,
Тем злее ведьмы заводились,
И всё потели, и дымились,
И юбки сбрасывали на пол,
И едкий пот повсюду капал.

Когда бы эти дьяволицы
Да были юные девицы,
Да всякий срам прикрыт был нежной
Ночной рубашкой белоснежной,
Я б за минутные поглядки
На их беспутные повадки
Штаны бы отдал с пылу с жару, -
Мою единственную пару!

Но эти рьяные старушки,
Надевши драные дерюжки,
Единым разом, баламутки,
Мутили разум и желудки!

Но ведал Тэм и ведал Каррик*
Про некий пакостный кошмарик:
В ту ночь явилась в церковуху
Красотка, баба-молодуха.
(Скотину портила молодка
И опрокидывала лодки.
Трясла ячмень, трясла пшеницу,
Равнину, горы и Границу.).
Своей короткой рубашонкой
(Впервой надев её девчонкой),
Что до пупа ей приходилась,
Она, паскудница, гордилась.
Копила бабушка для Нэнни
На ту обновку пенни к пенни.
На внучку мерила обновку,
А оказалось - на бесовку!

Увы мне! В творческом бессилье
Здесь муза складывает крылья.
Она бы век не описала,
Как Нэнни джигу там плясала,
Как бедный Тэм таращил бельмы
На ножки этой стройной шельмы,
Как Сатана от этих ножек

Визжал, как будто сел на ножик,
Как Тэм, которому гляделки
Затмили бабские проделки,
Вздохнул, аж дрогнула мошонка,
И рявкнул: "Браво, Рубашонка!"
И эта реплика нахала
Чертей вокруг заколыхала.

Как пчёлы мчатся - пулей-пулей -
За тем, кто их тревожит улей,
И как бросается борзая,
Когда пред ней - ушастый зая,
И как толпа с дубьём и ором
В базарный день бежит за вором, -
Вот так за Мэгги за кобылкой
Неслися ведьмы в злобе пылкой.

Сейчас ты, Тэм, почуешь плётку!
Тебя изжарят, как селёдку!
Не зря жена твоя томится:
Увы, она - почти вдовица!
Но, Мэг, спасенье недалёко -
За серединою потока.
Ты хвост поднимешь там трубою,
Чертей оставив за собою,
Но на мосту не дёрнись ныне
Хвостом на первой половине!*
Хвалилась Нэнни мёртвой хваткой,
Да где ей справиться с лошадкой!

Рванулась Мэг и тем - о Боже! -
Спасла себя и Тэма тоже,
Но Нэнни хвост её роскошный
В той заварухе суматошной
Схватила крепко, как удавка,
И обкорнала, - вот мерзавка!

Когда вам хочется, мужчины,
Напиться сдуру, без причины,
Когда в уме - голяшки, ляжки
И - гм! - короткие рубашки, -
Припоминайте (прочь ухмылку!)
Короткохвостую кобылку!

ДВЕ СОБАКИ

В стране, что Койлою зовётся
В честь государя-полководца,*
В июньский день, в простые будни,
Часа в четыре пополудни,
Порой, свободною от службы,
Сошлись два пса - по зову дружбы.

И первый, Цезарь (правда, гордо?),
Любимец местного лендлорда,
Породы явно был нездешней,
И вид свидетельствовал внешний,
Что он из мест, где за трескою
Идёт рыбак тропой морскою.*

На то, что пёс, пройдя дрессуру,
Вошёл в собачью профессуру,
Указывал ошейник медный.
Однако пёс он был не вредный,
И мог общатъся он часами
И с непородистыми псами,
И в церкви, в кузнице и в лавке
Любой нечёсаной плюгавке
Он честь оказывал прелестно,
На камни писая совместно.

Был пёс другой - шотландский колли.
Поэт, возделывавший поле,
Хозяин этого созданья,
Любил старинные преданья,
И Люатом прозвал он псину,
Припомнив горскую былину.*

Сей пёс отважно брал заборы
И все преграды без разбора,
И всей душой тянулся к люду,
И был любим везде и всюду,
Весёлый, добрый, честный, смелый,
И грудь покрыта шерстью белой,
И чёрным задом красовался,
И хвост колечком завивался.

И всяк души не чаял в друге.
Они носились по округе,
Кротов давя в своём угодье,

Давя мышиное отродье,
И как-то раз, навоевавшись,
И как-то раз, наволновавшись
От вариантов и от версий,
От нападений и диверсий,
Они, устав, открыли пренья,
Где в центре был – "венец творенья".

Цезарь

Я вижу, что живётся скверно,
Таким, как ты, неимоверно,
В сравненьи, Люат, с нашим братом,
Таким, как я, аристократом.

Хозяин мой, сдавая землю,
Сдирает, совести не внемля,
Налог любой, какой захочет.
Над ним весь день лакей хлопочет -
Конюшни - лошади - кареты -
А в кошельке его - монеты:
На золотом - отличный Джорджик,*
А золотой - с приличный коржик.

И от восхода до заката
Там лорда потчуют богато.
Он пьёт и ест, а напоследки
Там повара жуют объедки,
Жуют рагу и прочий мусор.
Но, что никак я не пойму, сэр,

Так это то, что карлик лорда
И тот, уродливая морда,
Обедает, как император,
А бедный фермер-арендатор...
Представить, что его питает,
Воображенья не хватает!

Люат

Да, тяжело ему, дружище,
Когда он роется в грязище,
Когда канавы в поле роет,
Ограды каменные строит.
Прикинь: он сам, жена с мальцами,
А ты своди концы с концами
С оплатой скудною подённой,
Большой семьёй обременённый.

Когда ж беднейшее сословье
Теряет силы и здоровье,
В аренду взять не может землю,
То голод, холод - всё приемля,
Оно ещё каким-то чудом
Не гнётся, друг, под тяжким спудом
И в честном, стойком поколенье
Своё находит повторенье!

Ивзарь

Но лорд зовет его "толпою"
И видит быдло в нем тупое.

Почерская ЦБС

Заносит он простолюдина
В разряд "...и прочая скотина"
И морщится в досаде жгучей,
Как я - от мерзости барсучьей.

Не раз мне видывать случалось
(И сердце кровью обливалось!),
Как управитель в день уплаты,
Призвав работника в палаты,
За недоимки все пожитки
Отнять грозил - грозил - до нитки,
Как был работник полон страха:
В слезах - лицо, в поту - рубаха.

Увы, я вижу, сколь несчастен
Любой, кто к бедности причастен!

Люат

Несчастен? Да, но - лишь отчасти.
Не испугать его напасти:
На грани бедности, у края,
Привык он жить, не умирая.

К тому же боле или мене
Фортуна склонна к перемене,
И как ни сильно утомленье,
Но роздых брезжит в отдаленье,
И он утешен в жизни скверной
Детишками, супругой верной;

Огонь очажный шевелится,
И он с женой детьми гордится,
И если выпьет эля кружку,
Он будет счастлив по макушку,
И, позабыв судьбы коварство,
Начнёт про церковь, государство
Он рассуждать весьма серьёзно,
И осуждать начнёт он грозно
Налогов новых вереницы
И праздных жителей столицы.

Хэллоуин, хоть бледен ликом,*
Грядёт с веселием великим,
И всякий житель деревенский
Исполнен радости вселенской.
Любовь и Радости - в полёте,
И все забыли о Заботе.

И вьюги воют - завывают,
И люди двери запирают,
И пиво - пена - запах зелья -
В сердце - в лапах у веселья -
И табачок - ап-чхи! - о Боже! -
И - "Будь здоров!" - "Тебе того же!" -
И старички трещат, как белки, -
И молодых игра в горелки, -
И я гляжу на это в оба
И лаю - лаю до захлёба!

Но то, что молвил ты гневливо,
Конечно, тоже справедливо.
Есть много честного народу,
Что, низкой жадности в угоду,
Готов мошенник управитель
Срубить под корень, погубитель,
Готов еще тесней, вражина,
Связать себя и дворянина,
Что, в мыслях весь о благе общем,
В палате лордов или общин...

Цезарь

О благе общем! Об отчизне!
Не знаешь ты, мой милый, жизни!
Дворянчик действует манером,
Что продиктован был премьером.
Кутёж да карты сплошь да рядом
Да беготня по маскарадам.
Заносит светского бродягу
Порой в Кале, порой в Гаагу,
В которых наведенье глянца
Он завершает в вихре танца.

Потом проматывает в Вене
Своё наследное именье,
Потом куражится в Мадриде
И петушится на корриде,
Потом в Италии под миртом
Он с грязной девкой занят флиртом,

Потом у немцев пьёт водицу,
Чтоб потолстеть, омолодиться,
И дале фат галантерейный
Финал увидит гонорейный!

"О благе общем! Об отчизне!"
Но кто? - Развратники и слизни?

Люат

Теперь понять я в состоянье,
Куда уходят состоянья,
Понять, куда с таким размахом
Наш тяжкий труд уходит прахом!

Сменить бы шабаш их придворный
На мир наш сельский непритворный,
Где и работник есть наёмный,
И лэрд,* и арендатор скромный.
Нет, на селе народ не вредный.
Ну разве в роще заповедной
Устроит дерзкую порубку
Или хозяйскую "голубку"
Отметит кличкою проворной,
Но - безо всякой злобы чёрной!

А правда ль, жизнь у высшей власти -
Сплошные прелести и сласти?
Ведь голод с холодом едва ли
Её и в мыслях посещали.

Цезарь

Да побывал бы ты, как я, там,
Ты б не завидовал богатым!

Работа до седьмого пота
И в хлад, и в зной - не их забота.
Никто из них в нужде не тонет,
Никто от старости не стонет,
Но род людской тоской замучен,
Хотя он учен-переучен.
Проблемы нет - её он спешно
Из пальца высосет успешно,
И чем ничтожнее причины,
Тем невозможнее кручины!

Крестьянский сын возделал грядки,
Возделал поле, - всё в порядке.
И пряжу всё пряла девица,
И напряла - и веселится.
А леди, джентльмен без дела.
Но их досаде нет предела,
При жизни праздной и неспешной
Они живут в тоске кромешной,
И дни скушны их, нету мочи,
И беспокойны злые ночи.

А гарцеванья и парады!
А танцеванья и наряды!
Здесь каждый как бы на витрине,
Здесь чувства нету и в помине.

Мужчины ссорятся безумно.
Их примиренье столь же шумно.
Их ночь пьяна, их ночь развратна,
Их день - отвратнее стократно!

Теснятся леди их, что грозди.
Все одинаковы, что гвозди.
Они по виду - просто душки,
Но в душах - гады и лягушки.
Они без новости скандальной
И чай не пьют колониальный,
И по ночам азарт безбожный
В них возбуждает зуд картёжный.
Здесь на кону - амбар пшеницы,
А брань - с разбойною сравнится!

Не всякий джентри* - вор, скотина,
Но это - общая картина.

И солнце медленно скатилось,
И тьма на землю опустилась.
Часы на башне прозвучали,
В хлеву коровы промычали.
"Но мы-то - мы-то не из люда.
Собаки мы. Какое чудо!" -
Сказали псы. И смолкли речи.
И разошлись - до новой встречи.

СМЕРТЬ И ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА БЕДНОЙ МЕЙЛИ, ОВЦЫ, ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБИМИЦЫ АВТОРА:

весьма печальное повествование*

Однажды Мейли в полдень жаркий
Паслась на привязи с товаркой,
Но вдруг, запутавшись в петле,
Забилась, блея, на земле;
Упала в ров - а мальчик Хьюго,
Примчавшись, замер от испуга.

Он руки поднял и в момент
Застыл, как в парке монумент.
Он понимал, что дело худо.
Но что его поправит? Чудо?
В тиши минута протекла,
И Мейли голос подала.

"Мой бедный маленький мужчина,
Мою оплачешь ты кончину.
Потом Хозяину, прошу,
Перескажи, что я скажу.

Пусть впредь Хозяин мой неловкий
Пеньковой гадкою веревкой,
А также и волосяной

Овцы не вяжет ни одной.
Пусть в парке, на холме и в поле
Он им даёт пастись на воле,
И пусть они из года в год
Дают Хозяину приплод.

Хозяин любит род овечий,
Как свой - двуногий человечий.
Я в смертный час свою семью
Ему в опеку отдаю.

Пусть он от мясника и дога
Хранит ягнят (врагов-то много!).
Пусть он ягнят моих при том
Поит коровьим молоком
И пусть на утренней зарнице
Даёт им сено и пшеницу.

Скажи ягнятам: пусть растут,
Пусть хорошо себя ведут,
Отвергнув воровскую моду
Таскать капусту с огорода.
Пускай стригутся все они,
Как предки стриглись в оны дни.
Пусть им Хозяйка даст коврижки.
Помрут - оплачут их детишки.

Баран - мой старшенький сынок.
Пусть с ним Хозяин будет строг

И наподдаст, не поленится,
Коль мой сыночек взбеленится!

Скажи сынку: пускай шельмец
Своих лишь трогает овец,
И на чужих бы, волокита,
Чтоб не забрасывал копыта.

Глупышка, доченька моя,
Не пропади в петле, как я!
Не смей дружить с бродягой пошлым,
Бараном с непонятным прошлым,
И кавалера на лугу
Ищи лишь в собственном кругу!

Я ухожу без проволочки,
Благословив сынка и дочку.
Пусть дети, вспоминая мать,
Начнут друг друга понимать.

Хозяин пусть - скажи ему ты -
Сожжёт все привязи и путы.
Ступай. Потом, придя за мздой,
Возьмёшь пузырь мой мочевой". -

Сказала Мейли, друг сердечный,
И отошла - для жизни вечной!

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МОЕЙ БЕДНОЙ ОВЦЫ МЕЙЛИ

Хочу излиться я всерьёз
Потоком прозы и стихоз.
Ах, слёзы катятся на нос.
    За ними вслед
Надежды катят под откос:
    Нет Мейли, нет!

Моя возлюбленная бяшка,
Мне оценить потерю тяжко!
Надеты чёрная рубашка
    И чёрный плед.
Ты умерла, моя бедняжка!
    Нет Мейли, нет!

Меня увидя издалече,
Ты торопилась мне навстречу
И посылала мне овечий
    Ты свой привет,
И я не знал приятней речи.
    Нет, Мейли, нет!

И не ломала ты оградки,
И не топтала наши грядки.
Ты наши добрые порядки
    Блюла, мой свет.
Как в одиночестве несладко!
    Нет Мейли, нет!

Зову к себе её сиротку,
И он бежит ко мне в охотку.
Я хлеб даю, и блеет кротко
Он мне в ответ,
А мне от горя першит глотку:
Нет Мейли, нет!

Была она, моя отрада,
Овцою высшего разряда.
На Твид-реке, я знаю, кряду
Десяток лет
Чистопородней нету стада.
Нет, Мейли, нет!

Мерзавцы, черти, баламуты,
Кто петли выдумал и путы!
Увы, в суровые минуты
Мне чёрный цвет
И поле застит, и закуты, -
Нет Мейли, нет!

Певцы, живущие на Дуне,
Доколе боль держать мне втуне?
Овцу мы все оплачем ту, - не
Один поэт:
"Ой, нет манюнечки-манюни!
Нет Мейли, нет!"

ПОСЛАНИЕ ДЬЯВОЛУ

О Князь! Глава порфироносных сил,
Вождь Серафимских ратей боевых,
Мильтон, "Потерянный рай".
(Перевод Арк. Штейнберга)

Эй, как бы там тебя ни звали, -
Бес, Дьявол, Чёрт ли, Сатана ли, -
Несчастным грешникам в подвале
Устроил плен ты,
И серу жжёшь, чтоб подвывали
Твои клиенты.

Мы побеседуем, Рогатый,
Но ты пока отставь лопату.
И грешным нужно хоть когда-то
Дать передышку,
Чтоб стихли горькие кантаты
В котле под крышкой.

Ты, покрутившись в адском круге,
В дворцы любые и лачуги
Приходишь, Старый Сволочуга,
Походкой твёрдой.
Нет ни смущенья, ни испуга
На чёрной морде.

Ища добычу беспрестанно,
Рычишь ты, словно лев в саванне.
Ты с церкви силой урагана

Срываешь крышу,
Ты лезешь в грудь и там, поганый,
Сидишь в затишье.

Ты лезешь в древние руины,
В уединённые долины.
Ты бедных путников, скотина,
Пугаешь ночью.
(Видала бабушка картину
Почти воочью!)

Когда почтенная старуха
Молилась вечером, ты глухо
Гудел за дамбой, длинноухий;
Ты, образина,
Стонал, протаскивая брюхо
Чрез куст бузинный.

Однажды сам в краю озёрном
Перепугался я позорно,
Когда признал тебя, бесспорно,
Зимой во мраке.
Ты, что камыш, стеною чёрной
Стоял, чертяка.

Кряк! Кряк! - В коротком промежутке
Я в тишине услышал жуткой:
Ты, притворившись дикой уткой,
Свой подал голос,
А у меня от этой шутки
Встал дыбом волос.

Вслед за тобой, владыка ада,
Несётся леших кавалькада.
Там, за кладбищенской оградой,
Над плотью мёртвой,
Составил с ними в тухлом смраде
Ты договор твой.

Скажи, не ты ли колдовскими
(Или, точнее, воровскими)
Обчистил пассами своими
Бак маслобойный?
Не ты ли, злыдень, портишь вымя
Коровке дойной?

Тебе - узлы, стежки и строчки,
А нам - сплошные заморочки:
Тупеют свежие заточки,
Тускнеют краски,
И срочность гибнет в проволочке,
Секрет - в огласке.

Весною духи водяные
Зовут людей в миры иные.
Где бродят путники ночные,
Твоим указом
Подельники твои речные
Туманят разум.

Когда, хватив хмельного, кто-то
Домой бредёт через болото,

Ты гонишь огоньки без счёта
    На недотёпу.
Перепугавшись до икоты,
    Он тонет в топи.

Когда Масон к тебе взывает.
Твой дух, что в гневе пребывает,
Лишь кот и кочет усмиряют,
    Обыкновенно,
Но брата младшего свергает
    Твой гнев в геенну.

В садах Эдема в дни былые
Она и он сошлись впервые.
Восторги страстные, живые
    Порой отрадной
Делили наши молодые
    В тени прохладной.

Как раз тогда-то, пёс ты гадкий,
Ты в райский сад проник украдкой,
И мир по-детски, без оглядки
    Тебе поверил,
И ты его в основе шаткой
    Чуть не похерил.

Ты помнишь день, когда, убоже,
Ты в вертоград явился Божий,
Как перед Богом, грязнорожий,
    Замолвив слово,

Ты, всякий день страданья множа,
Пытал Иова?*

Ты счастлив был до обалденья,
Когда забрал его владенья,
И стал он собственною тенью.
Ты рад был пуще,
Когда его терзали пренья
С женою злющей.

Со дней, когда от Михаила
Ты получил удар нехило,
До наших дней - не чую силы
Твой хулиганский
Составить список. Тут, Страшила,
Слаб мой шотландский.*

Ты думаешь: Поэт под мухой,
И я воспользуюсь прорухой,
Ему в аду поджарив брюхо.
Но-но, не балуй!
Перехитрю я злого духа
И сам, пожалуй.

Прощай! Быть может, через годы
Изменишь ты свою природу.
Когда я представляю своды
Твоей берлоги,
Тебя, такого колоброда,
Мне жаль, ей-Богу!

СЕРЬЁЗНЫЙ ПРИЗЫВ И НАСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА АВТОРА,

обращённые к шотландским представителям в палате общин*

Ирландцы!* Лорды! Господа!
Вы, представляя города
И сёла наши, хоть куда
Ведёте пренья.
К вам обращаюсь (можно? да?)
В стихотворенье.

Боюсь, простецкой Музы вид
Вас бесконечно оскорбит:
На жопе собственной сидит,
В пылище свищет,
И прозаически пердит,
И в рифму дрищет.

Кто там во власти напортачил?
Кто там народ перебулгачил?
Кто там большой налог назначил
На наше пойло?
Народ уж возмущаться начал,
Взбурлила Койла.

Имейте совесть вы и честь,
И правду голую, как есть,

Осмельтесь, лорды, преподнесть
При встрече с Питтом,*
Чтоб чёрту вас не перечесть
В аду копытом.

Имея пенсии, посты,
Негоже прятаться в кусты,
Но, коль деянья нечисты,
Слова нетвёрды,
Да будут кошельки пусты
У вас, милорды!

Вы обещали наперёд,
Что осчастливите народ.
Он вас избрал и нынче ждёт
От депутатов
Не милых сказочек, не од,
А результатов.

Представьте как бы на картине,
Как над чертополохом ныне
Шотландия рыдает.* В скрыне*
Акцизный роется.
Ох, аппарат ему, скотине,
Вот-вот откроется!*

Сюжет извольте набросать:
Контрабандиста описать
С виноторговцем. Всякий тать
В той Мухлевандии

Давно желает опростать
Казну Шотландии.

Да неужель бесстыдно тот
Себя шотландцем назовёт,
Кто мать свою не отобьёт,
Когда к старушке
Мошенник отбирать придёт
Её полушки?

Не будь безвестным я певцом,
Но будь Монттомери-бойцом
Иль Босуэллом-молодцом,*
Я б сволочь эту
Связал - и в пруд. Ушли б с концом:
Буль-буль - и нету.

Ужель не перехватит дух
При виде плачущих старух?
Ужель вы фраз хотя бы двух
Для них не свяжете?
Ужель, сочувствуя, вы вслух
О том не скажете?

Пусть всякий, честен и открыт,
О наших бедах говорит.
Пусть выдаст перечень обид.
Не тщетны речи:
Стефан их эхом повторит -
Слыхать далече!*

Вот Демпстер, мужественный скотт,
Килкерран, честный патриот.
Вот Грэхем, что в горах живёт.
    А это - Дандас,
Что мудрецом давно слывёт
    (Большой дар дан. Да-с!)

Вот Кэмпбеллы (их Цицерон
Любил бы до конца времён!).
Вот Фредерик (весьма умён!).
    Ах, как дружили б
Сэр Демосфен и Ливингстон,
    Коль рядом жили б!

Сражайтесь с яростью и силой
Вы за котёл отчизны милой!
Девиз один: закон постылый
    Вали, хоть тресни!
(Чтоб вам не спел народ нехилый
    Другие песни!)

Шотландия всё хмурит бровь:
Зажгла Милиция ей кровь.
(Где ты, Милиция-любовь?*
    Сколь были близки!)
Шотландия всё вновь и вновь
    Пьёт с горя виски.

Пойти бы в чём-то на уступку,
Понять Шотландию-голубку,

Иль, подоткнув повыше юбку,
Былая скромница
Устроит враз такую рубку,
Что всем запомнится!

Добром с Шотландией поладьте!
Вы мягко голову ей гладьте.
Вы, сэры, в душу ей не гадьте
(Долой коварство!),
Но, не жалея, все потратьте
Ей на лекарство.

Скажите Фоксу: ты увлёкся,
Ты б ей хамить поостерёгся.
Прижгите Фоксу так, чтоб спёкся!
Что унижаться?
Ему пора, своё отфокся,
С бабьём возжаться!*

Налогом обложив окошки,
Он долго потирал ладошки,
Когда обложит наши плошки,
Визжа от радости, -
Дам две овсяные лепёшки
Ему за гадости.

Когда ж допустит послабленье,
Никто не крикнет: "Преступленье!" -
Парламентариев скопленье,
Забыв традиции,

Перемешает в удивленье
Все коалиции.

Шотландия дала обет
Нас охранить от всяких бед,
И не изменит слову, нет,
Какая б сила
Её на тот спровадить свет
Ей ни грозила.

Шотландцы лучшего отбора!
Вам сердце Матери - опора.
Грози министры в час раздора
Вам карой мрачной,
Все (сорок пять!) сверните споро
По фиге смачной!*

(Тьфу! Галки гадят без конца
Вокруг Сент-Джеймсского дворца!)*
Молю великого Творца
За вас, избранники:
Пошли избранникам супца,
Пошли подштанники!

Постскриптум.

Пусть бредит раб полуголодный
Вином из комнаты холодной,
Шотландец, гордый и свободный,
Вином не плещет,

Но вместо влаги чужеродной
Он виски хлещет.

Пускай во всей красе и мощи
К ним Феб заглядывает в рощи,
Но винопийцы шибко тощи
И жалки шибко.
Угробит их живые мощи
Любая сшибка.

У них солдат - слабее шкета;
Кряхтит под тяжестью мушкета.
Одна мыслишечка в башке-то
В широком во поле:
Лететь подале, как ракета,
Чтоб не ухлопали!

Но пинту виски влей в шотландца,
Представь шотландцу чужестранца.
Скажи ему: "Побить поганца
Велел Георг!" -
И отволтузит он засранца,
Придя в восторг!

Грядёт герой - горой гора,
Но если скажет смерть: "Пора!"
Последним отблеском костра
Сознанье вспыхнет.
Шотландец тихое "Ура!"
Шепнёт и стихнет...

Добыть учёным не дано
Высокой истины зерно.
Я объяснил бы всё давно
    По-человечески,
Будь "виски" произнесено
    По-древнегречески.

Хоть ты, Шотландия, как воду,
Сосёшь сивуху год из году
И обмочиться можешь с ходу,
    Моя старушка,
Я славлю виски и Свободу!
    Налей! Вот кружка!

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕСЬМА ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ ПЕРСОНАМ, СИРЕЧЬ - К СУГУБЫМ ПРАВЕДНИКАМ

Мой сын, свои раздумья так
Я нынче подытожу:
Сугубый Праведник - дурак,
Сугубый Умник - тоже,
Мякина высится горой,
Зато чиста пшеница,
И если мы грешим порой,
То пусть нам всем простится!
Книга Екклесиаста, или Проповедника.
*Глава 7, стих 16.**

Неужто вы - святей святых,
И по уши во лжи я?
Неужто мало дел своих,
И надо лезть в чужие?
Ужасно мельницы гремят,
В них слышен гром обвала,
Хоть в них пшеницы, говорят,
Давненько не бывало!

Суровы Мудрости врата,
А Глупость нам - не в пытку.
Легко, как чижики с куста,
Летим в её калитку.
Пускай слетаются ко мне
Беспечные созданья.

Я как-нибудь найти родне
Сумею оправданье!

Себя вы, умники, навряд
Сравните с массой серой.
Дистанция, как говорят,
Огромного размера.
Но если, находя концы,
Свести нам дебет-кредит,
Немало ваших, мудрецы,
К придуркам переедет!

Когда бунтует в жилах кровь,
Кто угадать потщится,
Какая сила может вновь
Умерить бунтовщицу?
Добро, коль ветер и поток
В согласье обоюдно,
Но если спор меж них жесток,
Собьётся с курса судно!

Там, где Веселье воцарит
Безбрежно, безгранично,
Всё Пьянством кончиться грозит
И Дракой неприличной.
Но если, Господи прости,
Таков сей Пир издревле,
То чем убыткам счёт вести,
Повеситься дешевле!

Теперь я обращаюсь к вам,
Магистерши злословья:
Не попрекайте милых дам
Запретной их любовью.
Осмельтесь опыт совершить -
На грех сменить безгрешность...
Боюсь, однако, согрешить
Вам не позволит внешность!

Да будет брат прощён стократ,
Сестра - тысячекратно.
Се - человек, из века в век
Толкуемый превратно.
Что движет им и почему?
В нём всё темно и сложно.
Когда он кается, ему
Я верю осторожно.

Лишь Тот, кто сердце в нас вложил,
Знаток его созвучий.
Лишь Он в гуденье наших жил
Найдёт мотив певучий.
О человеке по верхам
Имея представленье,
Пошли б и глубже мы - но там
Нас ждет сопротивленье.

ПОСЛАНИЕ МОЛОДОМУ ДРУГУ*

Стихи ли, прозу - всё равно -
На память, милый друже,
Тебе составить их давно
Хотел я в час досужий.
Совет у времени спрошу,
Случайности учту я
И песню звонкую сложу
Иль проповедь прочту я.

Среди людей себя найти
Тебе придётся вскоре,
Но люди могут принести
Тебе немало горя.
И если вдруг тебя нужда
Отпустит хоть немного,
То не отпустит никогда
Тебя твоя тревога.

Я не скажу, что человек
Порочен от рожденья,
Что он законы чтит в наш век
Лишь в силу принужденья,
Однако собственное "я"
Царит везде и всюду,
И к равновесью бытия
Причастно только чудо!

Не осуждай того, кто пал,
Подавленный судьбою:
Сегодня пал - назавтра встал,
Ответив ей борьбою.
Жива в нём честная душа,
Над ней не властны беды.
Он сам без лишнего гроша,
Но выручит соседа.

С друзьями откровенным будь,
Но всё ж не так, как дети.
От друга тоже что-нибудь
Всегда храни в секрете.
Замкнись в себе, чтоб не пришлось
Раскрыться перед светом,
Но видеть ближнего насквозь
Всегда умей при этом.

Кто верен чувству, не придёт
Под окна воровато,
Не станет, бегая в обход,
Петлять витиевато.
А если станет - хитреца
Предаст его искусство:
Где нету хитростям конца,
Там нет любви и чувства!*

Стремясь к богатству, похитри,
Фортуне стань приятен,

Но даже в хитрости, смотри,
Ты честь храни без пятен.
Богатым будь не для того,
Чтоб тем себя возвысить,
А чтобы тем ни от кого
На свете не зависеть.

Разбойник не чинит разбой,
Когда петли боится,
Но честь, - она всегда с тобой, -
Твой сторож и граница.
Намёки все её пойми,
Малейшие сигналы,
И не придёшь ты, чёрт возьми,
К позорному финалу!

Должно творенье чтить Творца
Всегда, везде и всюду,
Но трудно слушать без конца
Священника-зануду.
И всё ж безбожный смех вокруг
Звучит весьма убого;
Он не заменит, милый друг,
Поруганного Бога!

Пока тепло нам и легко,
Светло и безмятежно,
Мы веруем неглубоко,
Случайно и небрежно.

Но стоит буре зареветь,
Поймёшь во тьме холодной,
Что вера с этих дней и впредь -
Твой якорь благородный!

Прости-прощай! Пусть сердце бьёт
И кровь по жилам кружит,
Пусть правда, мужество, расчёт
С тобою тесно дружат.
"Дай силы, Боже!" - небесам
Молись, и жизнь изведай,
И лучше, чем советчик сам,
Его советам следуй!

ШОТЛАНДСКИЙ ВИСКИ

А ну, налей чего позлей
Тому, кого припёрло.
На тыщу бед - один ответ:
Пускай промочит горло,
Уйдёт в загул под пьяный гул,
И потускневший разум
Забудет, слаб, долги, и баб,
И все невзгоды разом!

Библия. Ветхий Завет.
Книга Притчей Соломоновых
*Глава 31. Стихи 6-7**

Пускай иные доброхоты
Поют про Вакховы щедроты, -
Мне оды винные до рвоты
Осточертели.

Пою о Скотче, виршеплёты.
(Глушите трели!)

Прошу тебя, старинный Скотч,
Бродя в стакане день и ночь
Иль с пеной устремляясь прочь
Струёю резвой,
Мне по-приятельски помочь
(Пока я трезвый!).

Пускай пшенице суждено
Прославить поле и гумно
И то ж - овсу с горохом, но
Всему владыка –
Ты, Джон Ячменное Зерно.
(Оспорь поди-ка!)

Тебя в Шотландии жуют,
Тебя и жарят, и пекут,
Тебя и с мясом подают
В похлебках славных,
И всё же там, где Виски пьют,
Тебе нет равных!

Жратва - листва, а люди - слизни.
Когда скрипят колёса жизни
И груз тяжёлой укоризны
Прогнул тележку.
Любой, тобой на оси брызни,
Смягчит пробежку.

Ты Знанье в мути просветляешь,
Ты Скорби, брат, увеселяешь,
Ты нервы тяжкой расслабляешь
    Работе, друже,
Ты луч надежды посылаешь
    Беде и Нуже.

Ты полнишь лорду на пирушке
Его серебряные кружки.
Ты - утешенье побирушки
    В судьбине тяжкой:
Ты служишь хлебом ей, старушке,
    Вином и кашкой.

Когда, б не ты, тогда бы кто ж
У нас подзуживал святош?
Но если ты скандально вхож
    В утробы воинства, -
Перерастает спор в дебош
    (Умри, достоинство!).

Ну, эта ночка будет наша!
Тобой полны и рог, и чаша!
И Новый год с тобою краше
    Нам по утряне.
Мы подсластим тебя, милаша,
    В своем стакане!

Кузнец чинить закончил плуг.
Доволен пахарь: "Славно, друг!"

А наш Вулкан глотает вдруг
Тебя - и молот
Грохочет вновь. Бросает стук
То в жар, то в холод.

Чем пахарь хуже кузнеца?
Да он сильнее жеребца!
Как от ударов молодца
Железо стонет!
В ужасном шуме без конца
Вся кузня тонет!

Едва родятся наши крохи,
Плодятся слухи, точно блохи.
Не жмутся парни, обалдохи,
К своим девахам,
И повитухам ой как плохо:
Надежды - прахом!

Когда соседи - стенка к стенке -
Друг друга бьют попеременке,
Хлебни пивка - и этой сценке
Конца не будет.
Лишь адвокатов к этой пенке
Полку прибудет.

Шотландцы! Крепкое словцо
Хочу я бросить вам в лицо:
Почасту скотт берёт винцо
И купоросит.

(Зимой хватает, и, дрянцо,
Цены не спросит!)

Шотландцы! Нет страшнее пытки,
Чем пить заморские напитки:
Хворобы лупят под микитки,
Бедняк хиреет,
Казна шотландская - в убытке,
А враг - жиреет.

Шотландцы! Нищие и знать!
Беду пора вам распознать:
Покуда есть вино, и кадь,
И выпивоха,
Что эту кадь готов слакать, -
Нам будет плохо.

Да будет проклят привереда,
Что Виски - дар отца и деда -
Не пьёт в компании соседа,
Как он, шотландца.
Пускай изгложет костоеда
Того поганца!

Душа любой моей подначки!
С тобой стихи - в ретивой скачке,
А без тебя - в ленивой спячке.
Но Виски рядом,
И люди рады до усрачки
Моим балладам!

Увы, беда стучится в дверь!
Поверь, потеря из потерь -
Ты, Виски Ферентош! Теперь
    Мы все - калеки.
А ты, о Форбес, - ты похерь
    Патент навеки!*

Да будет проклят наш Акциз,
Где славный Виски - главный приз.
На помощь, дьявол! Раз! Два! Три-с!
    Пьянчужкам к ужину
Ты в серный пудинг запеки-с
    Акцизных дюжину!

Дай мне, Судьба, штаны и пиво,
 Лепёшку дай - и особливо
Талант стихи кропать ретиво.
    (Кому - все прочее,
Решай сама: твои мотивы
    Понять не в мочи я!)

ДЛЯ ГОРЕСТИ И БОЛИ...

Плач

Светилась роща голизной
В ноябрьский вечер снежный.
Близ Эйра, близ реки родной,
Я шёл тропой прибрежной,
И вдруг заметил: древний дед
Идёт ко мне навстречу.
И был он сед, и бремя лет
Ему давило плечи.

“Куда идёшь ты, - он спросил -
И отчего ты страждешь?
Ты любишь свыше всяких сил
Или богатства жаждешь?
Или забот невпроворот,
И ты пришёл, тоскуя,
Оплакать свой несчастный род,
Юдоль свою людскую?

Спешит вдали за край земли
Усталая зарница.
Здесь тысячи - в грязи, в пыли,
Здесь в блеске – единицы.
Я прожил дважды сорок лет
И понял в этой школе,
Что мы рождаемся на свет
Для горести и боли.

Не чует молодость утрат
И мнит себя нетленной.
Ей чёрт не брат, ей нет преград,
Ей море по колено!
Но перебесится она
И вспомнит поневоле,
Что жизнь одна и нам дана
Для горести и боли.

Пока твой век еще в цвету
И сладок плод познанья,
Тебе с руки и вмоготу
Любое начинанье.
Дела идут и лёгок труд,
Все спорится - доколе
Нужда и Старость не придут
Для горести и боли.

Фортуна склонна до конца
Благотворить немногим.
То нищим сделает купца,
То сильного - убогим.
И эти парии навек
Усвоят в новой роли,
Что явлен в мире человек
Для горести и боли.

Вокруг стыдоба и позор
Сплетаются зловеще.
От наших бедствий их узор -

Еще сложней и резче.
И человек, вперяя взор
В небесное приволье,
Всю эту землю с давних пор
Переполняет болью!

Слеза вскипает, горяча:
Там горе без границы,
Там бедный молит богача
Не гнать его с землицы.
И дети рядом, и жена
С мольбой о жалком поле.
Но лорд - холодная стена -
Чужой не чует боли.

Когда Природой обречён
Я вечно быть под лордом,
Тогда зачем я облечён
Моим сознаньем гордым?
А если нет - зачем судьбой
Я предан рабской доле
И ставлю лорда над собой
Для горести и боли?

И всё ж не проклинай житьё,
Сумняшеся ничтоже:
Ведь это мненье - лишь моё,
Других - послушай тоже.

И бедный, но достойный муж
Не народился б боле,
Не будь утех для наших душ
В дни горести и боли.

О Смерть, подруга бедняка,
Яви своё мне чудо,
Исполни просьбу старика:
Возьми меня отсюда!
Ты тем страшна, кто жить привык
В роскошестве и холе,
Но ты желанна тем, кто сник
От горести и боли!"

К РАЗОРЕНИЮ

1

Тебе не свят любой уклад.
Империй гибель и распад -
В твоём едином слове.
С тобой зловещей чередой
Беда приходит за бедой.
Другие - наготове.

Туман и муть; не разомкнуть
Мне вражеского круга.
Стрела, что мне попала в грудь,
Ещё дрожит упруго.

Под тучей
Гремучей
В душевном мятеже
Я махом
Со страхом
Расправился уже!

2

Приди ко мне, заклятый друг,
Замкни проклятой жизни круг,
Внемли мольбе несчастной.
Нашли своих вассалов рать:
Мне надоело умирать
От смерти ежечасной!

Когда душа устанет быть
Там, где о ней забыли,
Тогда устанет сердце бить
И перейдёт могиле.

Что грозы?
Что слёзы?
Спокойствие в конце.
Ни тени
Смятенья
В безжизненном лице.

СТИХИ О ШОТЛАНДСКОМ ПОЭТЕ, УЕХАВШЕМ В ВЕСТ-ИНДИЮ.*

Кто пиво в глотку залучил,
Кто стих поганый настрочил,
Кто "А-Б-В" не разучил,
    Застыньте в горе:
Наш парень шутку отмочил, -
    Махнул за море!

Любил он дружескую рать
В пивнушке вечером собрать,
С друзьями песню проорать
    В нестройном хоре.
Его отсюда не видать:
    Махнул на море!

Рыдают сочные вдовицы
И все непрочные девицы;
Он жизни новые страницы
    Откроет вскоре.
Раздвинул прежние границы,
    Махнул на море!

Для их кручины есть причина!
Но ты, Фортуна-дурачина,
Была с ним холодна и чинна,
    Была в зашоре,

И темпераментный мужчина
Махнул за море!

Старуха Койла* в горе тоже.
Рыдает в траурной одёже.
А сердце - старенькое всё же...
К тому же - хвори...
Но он, сумняшеся ничтоже,
Махнул за море!

Его трепал беды норд-вест.
Любовь? Любовь... В один присест
Наш паренёк поставил крест
На ней, притворе,
И двинул из родимых мест,
Махнул за море!

Терпел он злую голодуху,
Терпел он злую холодуху,
Терпел житуху-колотуху,
В глухом затворе,
Терпел-терпел, - и что есть духу
Махнул за море!

Он тратил пенни, не тужился,
Он им не больно дорожился,
Он только с Музою дружился
В живом задоре,
Но с нищетою не ужился,
Махнул за море!

Прими, Ямайка, мужа честна,
О коем подлинно известно:
И с чёртом он, живя совместно,
Не был в раздоре,
Он лишь от бед, что встали тесно,
Махнул за море!

Прости-прощай, мой друг-поэт!
Ты здесь нуждался много лет.
Цвести ж теперь, как первоцвет,
В чужом просторе.
Тебе сердечный свой привет
Я шлю за море!

ПОСЛАНИЕ ЭДИНБУРГУ

Эдина! Сердце всей страны!
Когда-то у подножья трона
Здесь были провозглашены
Шотландцев первые Законы.
Люблю бродить уединённо
Вдоль полосы береговой.
Твоею тенью осенённый,
Тебе я стих слагаю свой.

Рекою золото течёт:
Кипит Торговля у причала.
Являет Зодчество расчёт,
Гармонии первоначало.
Всё Правосудье увенчало.

В его руках - весы и меч.
Здесь Школа, начав, не кончала
Познанье множить и беречь.

Твои, Эдина, сыновья
Гостей всегда принять готовы,
Худого в мыслях не тая.
Чужды их разуму оковы.
Нужды чуть слышимое слово
Для них, что колокол, звенит.
Устанут - вмиг воспрянут снова,
И зависть их не очернит!

Эдина, дочери твои
Сияют нежной белизною.
Так, полный счастья и любви,
Цветёт боярышник весною.
Особенно я восхищён одною:
Прекрасна Барнет*, как звезда.
Коль бог Любви тому виною,
Он безупречен, как всегда!

Эдина, зоркий великан:
Любая тропка - на примете.
Не крепость - грозный ветеран,
Покрытый шрамами столетий.
Не устрашишь ничем на свете
Бойниц твоих суровый взор.
Враг, приходя под стены эти,
Терпел здесь часто свой позор.

Дворцом, что высится вдали,
Любуюсь в гневе и печали.
Там прежде наши короли
Героев наших величали.
Какие б речи ни звучали
В защиту горьких перемен,
Мы разошлись, мы измельчали,
Сегодня слава наша - тлен.

Как наши предки шли в былом,
Живым построенные клином!
Как шли они в живой пролом,
На горе вражеским дружинам!
Хоть я поэт, в родстве старинном
И я, быть может, состою
С одним из тех, кто с рыком львиным
Здесь пал за родину свою!

Эдина! Сердце всей страны!
Когда-то у подножья трона
Здесь были провозглашены
Шотландцев первые Законы.
Люблю бродить уединённо
Вдоль полосы береговой.
Твоею тенью осенённый,
Тебе я стих слагаю свой.

ПЛАЧ ПО ДЖЕЙМСУ, ГРАФУ ГЛЕНКЭРНУ

Гуляли ветры по холмам,
    И солнце, отходя ко сну,
Глядело сбоку на Лугар,
    На лес, впадавший в желтизну.
Гнетут года; гнетёт беда;
    Крута гранитная скала.
О смерти друга пел Поэт,
    Что так безвременно пришла.

Он оперся о древний дуб,
    Что пал от многих бурь и гроз
(Кудрявый локон поседел,
    И щёки вымокли от слёз).
Коснулся он печальных струн,
    И ветры, вея между гор,
По свету песню разнесли,
    Сплотившись в мощный, скорбный хор:

"Все реже птичьи голоса
    Напоминают о весне.
Минувшим годом грезит лес
    В тяжёлом, смутном полусне.
Природа быстро оживёт,
    Закончив свой круговорот,
И только мне грядущий день
    Былого счастья не вернёт.

Меня, как этот старый дуб,
Свалили дождь и ветер злой.
И мой последний корешок
Расстался с матерью землёй.
Весной мне не зазеленеть,
И летом впредь не расцвести,
И там другие прорастут,
Где я сказал свое прости.

Видал я мир, но до сих пор
Никто мне в мире не родня.
Не понимаю я людей,
И те не поняли меня.
Кому печаль мою скажу?
Кто посочувствует в беде?
Вокруг - сплошная тишина.
Она повсюду и везде.

И, в довершенье ко всему,
Угас мой добрый господин.
Дворянства лучшие черты
Он воплощал в себе один.
Мне кажется, что жизнь сама
С его кончиной умерла.
Надежда улетела прочь
Из безнадежного угла.

Проснись же, арфа, о проснись!
В последний раз подай свой глас!

Проснись - и смолкни навсегда,
Закончив горький свой рассказ.
А ты, единственный мой друг,
Мой лучший друг, последний друг,
Услышь того, кого не раз
Ты избавлял от смертных мук!

Я жил в забросе, и туман
Вокруг меня стоял кольцом.
Ни зги не видел я, куда
Ни обращался я лицом.
Но, словно луч на утре дня,
Ты толщу мрачную прошил,
Меня и песенку мою
Своей заботой окружил.

Добряк на свете не жилец,
Зато живучи подлецы.
Зачем так рано смерть пришла
И обрубила все концы?
Зачем дожить мне довелось
До трижды проклятого дня?
Зачем за другом смерть пришла?
Зачем не тронула меня?

Жених невесту забывал,
Едва назвав её женой.
Король корону забывал,

Едва добыв её войной.
Забыть ребёнка может мать,
Не дать ему своей любви,
Но не забуду я, Гленкэрн,
Тебя и милости твои!"*

ЖАЛОБА МАРИИ, КОРОЛЕВЫ ШОТЛАНДЦЕВ, НАБЛЮДАЮЩЕЙ ПРИХОД ВЕСНЫ ИЗ ОКНА СВОЕЙ ТЕМНИЦЫ*

Природа кроет лес и луг
Зелёным покрывалом
И маргаритки сеет вкруг
С размахом небывалым.
Веселый Феб спешит на пир;
Сверкает колесница.
Но - не пленяет этот мир
Попавших в плен темницы!

Несётся жаворонка трель
По утреннему бору.
Дрозды за тридевять земель
Слышны в дневную пору.
Пичуги знают наперёд,
Что здесь права их святы:
Никто на свете не прервёт
Задуманной кантаты!

Цветёт на взгорке первоцвет,
Цветут кувшинки ныне,
И жадно ловит солнца свет
Боярышник в долине.
Последний скотник нынче в ночь
Найдёт сударку в хлеве,
Но королю прийти невмочь
К шотландской королеве!

Ещё недавно я была
Владычицей французской.
Легко жила и не ждала
Засад на тропке узкой.
А здесь, в родной моей стране,
Иуду встретишь всюду,
А здесь, в родной моей стране,
Я горя не избуду.

О женщина, чья лжива речь,
Моя сестра-врагиня,
В тебя войдет расплаты меч,
Твой дух располо́виня!
Внимала в жизни ты навряд
Рыданью женской крови.
Не лечит ран твой женский взгляд:
Ты вечно хмуришь брови.

Мой сын, пусть звёзды о тебе
Пекутся в полной мере,

Воздав тебе, твоей судьбе
    За все мои потери.
В моих врагах, тебя храня,
    Пускай враждебность гасят.
Пусть всякий, кто любил меня,
    Твой пышный двор украсит!

На утре дня, я знаю, я
    Уже не встречу лето;
Мне до осеннего жнивья
    Дожить надежды нету.
Когда уйду, сойду на нет,
    Пускай зима повоет,
И пусть весна, придя ей вслед,
    Цветами холм покроет!

ДВА СТАДА*

Благочестивые стада,
Где ваши пастыри? Беда!
Кто упасёт вас от вреда
    Лисиц кусачих
И не имеющих стыда
    Собак бродячих?

И тот народ, и тот народ
Богобоязненным слывёт.
Так что же мир вас не берёт,
    А раздраженье

Вас четверть века, что ни год,
    Зовёт в сраженье?

Неужто вас, о Муди, Рассел,
Сей безобразный спор украсил?
Кому нужна сия игра сил?
    Свидетель гадости,
Мир "ново-светский" взгромогласил,
    Рыча от радости.

Хоть лэрды вас не почитали,
Однако, смерды вас избрали
Себе в наставники. Не знали
    Они, естественно,
Что суждено забыть вам дале
    Свой долг существенно.

Со старым Муди - кто сравнится?
Арминианскую водицу
Наш Муди проклял, и напиться
    Гонял не вдаль вина, -
Гонял на свежую криницу
    Папаши Кальвина!

За лисом и за барсуком,
За кошкой дикой и хорьком
В нору наш Муди влезть ползком
    Готов не сдуру,

Но чтоб, убив зверька, потом
Продать вам шкуру.

И Рассел славен неспроста.
Он знаменитость, он звезда:
Не то что в морду, но с хвоста
Узнав овечку,
Здорова ли, больна ли та,
Шепнёт словечко.

Расчешет грязного барашка
Иль даст ему дубиной тяжко,
Коль тот окажется, бедняжка,
(Подумать жутко!)
Из "ново-светских". Тут поблажки
Не ждите, - дудки!

И эти люди (как досадно!)
Честят друг друга беспощадно:
"Мошенник!" "Лицемер и гад!" - но
Забыв на пару,
Сколь "ново-светские" злорадно
Глядят на свару.

И Данкен слаб, и Пиблз едва ли
Остудят страсти в том скандале.
Апостол Олд, а не пора ли
Ударить по столу?

Не может быть, чтобы не вняли
    Хоть вам, апостолу!

Забота, судари, гнетёт:
Кто в стадо новое придёт?
Отпетый валит к нам народ:
    За фигли-мигли
Его давно расплата ждёт
    В гееннском тигле.

Дальримпла нам известны штуки.
Макгилл нам стоил смертной муки.
Нечисты у Макквея руки,
    А оба Шо
Расстроили все нервы, суки,
    Нам хорошо.

Из нас Вордроу душу вынул.
Но старый хрен недавно сгинул.
Вздохнули мы, - но день лишь минул,
    И вот на сцену
Мучитель новый бодро двинул
    Ему на смену.

К тому ж, средь нас есть подлый тать,
Что против нас готов восстать,
И ждёт лишь случая... Назвать
    Вам супостата,

Что без меня не распознать? -
    То Смит, ребята!

О вы, пасомые в долине,
В полях, на пустошах, - вы ныне
О лэрде, вашем господине,
    Забудьте: стадо
Свободно избирать скотине
    Дать право надо.

Пусть Ортодоксия гарцует,
Пусть Знание в петле танцует,
Пусть Здравый Смысл торжествует
    Лишь на дистанции.
Гони его! - и пусть кукует
    Себе во Франции.

Уж то-то будет рад Макмат,
Макквей уж то-то будет рад.
Дальримпл, Шо закатят, брат,
    По монологу,
И Смит с Макгиллом не смолчат
    В тот день, ей-Богу!

СТИХИ О КАПИТАНЕ ГРОУЗЕ, известном собирателе старины этого королевства, написанные в связи с его недавними странствиями по Шотландии*

Страна Лепёшек! Если дырка
Меж Джонни Гротса - Мейденкирка*
Заметна там, где есть протирка,
    Латай скорее;
Поторопись: худа придирка
    Сего злодея!

Но если есть на свете пышка,
Толстяк, учёный коротышка,
Что и доныне, как мальчишка,
    В тебя влюблён
(Тебе - его любая книжка),
    Знай; это - он.

Зайди в старинный храм без крыши,
Где мерзкий бал справляют мыши,
Увидишь: с ведьмой в тёмной нише
    Зловещей башни
Толстяк, что был помянут выше, -
    Тьфу! - крутит шашни!

Бродячий дух, отстав от шайки,
Шкодящей в полночь на лужайке,
Явись к нему - и без утайки
    Свои облыжные
Тебе он растолкует байки.
    (Все - чернокнижные.)

Служил он в юности солдатом,
Был храбрецом и ловким хватом,
А ныне толстяком покатым
    Стал, понимаешь,
И занят ан-ти-ква-ри-а-том.
    (Язык сломаешь!)

Сапог старинного покроя,
Шлем неизвестного героя
(Владельца вывели из строя
    В лихой сторонке),
Здесь допотопных - я не скрою -
    Есть две солонки.

И есть тут Евины косицы,
И Тувалкаиновы крицы,
И Валаамовой ослицы
    Есть гениталии,
Здесь Аэндорской ведьмы спицы
    Есть - и так далее.*

Получишь сведений набор:
Чем Праотец лечил запор
И с чем на братца Каин пёр
В библейской свалке
(То был обычный кишкопор
Простой закалки).

Припомнит всяк благоговейно,
Как за бутылочкой портвейна
С ним вечерок провел келейно:
Мужик ли, джентри, -
Всем повторяет: "Парень, пей, - на!"
Хозяин в центре.

Клянусь тебе стихом и прозой!
Посмей хоть кто-нибудь с угрозой
Тебя облаять, милый Гроуз - ой! -
За ту нападку
Расправлюсь круто со стервозой,
Набью сопатку!

О ПАСТОРАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

Поэзия! Ни стар, ни мал
Пугливей Нимфы не видал.
Кто бегал за тобой - плутал
    Меж тем затисканных,
Любил тебя - но голодал
    Средь яств изысканных.

О героическом башка
Болит у каждого дружка.
Здесь не тонка у них кишка,
    Споют в охотку.
Так что ж им песня пастушка
    Не лезет в глотку?

Работал Мильтон под Гомера,
Эсхил - Шекспирова химера,
Поп-коротышка для примера
    Берёт Горация,
У Энн Барболд - Сапфо манера
    И та же грация.*

А кто поддержит Феокрита?
Далёк Вергилий от пиита.*
У Попа рвань тафтой прикрыта.
    Одёжка лезет,
(Но мелкотравчатая свита
    Обноском грезит).

Так неужели, в самом деле,
Мы дань пастушеской свирели
Не отдадим? И неужели
    Нет человека,
Что отвечал бы этой цели
    Не хуже Грека?

По счастью, здесь такой найдётся.
Искать нам долго не придётся:
Пусть крепость Времени сдаётся
    И пал Тамталлан, -
В столетьях эхом отзовётся
    Твой гений, Аллан!*

Ты девять Муз выводишь смело
Служить Шотландии умело.
И дремлют мирта и омела
    В саду приречном,
И сладко плачет Филомела
    О чём-то вечном!*

Бегут с холмов твои речонки,
И все окрестные девчонки
Полощут в них свои юбчонки,
    И чёрный дрозд
Пастушьей песне вторит звонко
    До первых звёзд.

Твой селянин любви открыт.
Природа им руководит,
Которая чудотворит,
Смягчая твёрдых,
И, вызов бросив, покорит
И самых гордых!

СВИСТОК

Пою о Свистке, о Свистке я пою,
Что славится в северном нашем краю.
Его привезли в королевский дворец.
С тех пор не смолкает Свисток-молодец.

Блистательный Лода Фингала призвал,
И к богу бутылок явился Фингал.
"Со свистом в Шотландии всех перепей,
А нет - так не жить мне на свете, ей-ей!"

Историк отметил, поэт не забыл,
Кого на турнирах Фингал перепил,
И как над горой проспиртованных тел
Свисток отходную задорно свистел.

Но Роберт, что Керном и Скером владел,
Впервой изменил состояние дел,
Порушив датчан запьянцовский престиж.
И пала на Балтику мёртвая тишь!

Свисток поселился в шотландском дому.
У Роберта долго гостилось ему.
Но минули годы и годы с тех пор,
И трое потомков затеяли спор.

Крейгдэррок, помещик и законовед,
Гленридделл, любитель старинных монет,
Был спорщиком третьим сэр Роберт-второй,
Ценитель вина и отважный герой.

Крейгдэррок Гленридделлу молвил: "Дружок,
Не лезь на рожон, уступи мне Свисток,
Иначе старейшин сберу на совет,
И пусть нашу тяжбу рассудит кларет!"

"Богами клянусь я! - Гленридделл в ответ, -
Я вызову дух Рори Мора на свет,*
Я духа вгоню в его собственный рог,
Но ты без борьбы не получишь Свисток!"

Сэр Роберт, чья храбрость не знала границ,
Врагам и друзьям не казал ягодиц.
Он молвил: "Свисток выставляйте на кон!
Без боя не сдамся - душа с меня вон!"

К Гленридделлу вместе явились они.
В делах и заботах текли его дни,
Но был он по части питейной не слаб,
А также во всём, что касается баб.

Поэта они пригласили на пир,
Чтоб он описал этот славный турнир,
Поэта, который мечтал - и не раз -
Разбить виноградник, взойдя на Парнас.

Закончился сытный, веселый обед.
Захлопали пробки, полился кларет.
Носы становились красней и красней,
А кровные узы - тесней и тесней.

И Радость ушла в бесшабашный загул,
И Феб легендарный порядком хлебнул.*
"Как жаль покидать вас!" - он грустно изрёк,
Почувствовав Цинтии ясный намёк.*

И шесть уж бутылок распили, - и вот
Сэр Роберт седьмую вовлёк в оборот,
И в чашу он вылил ее целиком...
"Так делал,- он молвил,- наш предок в былом!"

"Сей фокус - для грубых и низменных душ, -
Гленридделл решил, рассудительный муж.-
Церковный я староста; надо ли мне
Настырничать в этой пьянчужной войне?"

Сэр Роберт, однако, стоял, как стена.
Но - биться с Судьбою и с квартой вина?
И рухнул во славе отважный герой,
Едва только Феб засиял за горой!

“Крейгдэррок, - пророча, промолвил поэт, -
Ты будешь нетленнее звёзд и планет,
Но прежде чем в песне бессмертье обресть,
Бутылочку лишнюю хлопни, как есть!”

“Был воином Брюса твой предок лихой.
Всяк Бернс - патриот и боец неплохой,
И, значит, ты - в лаврах, а я, брат, сдаюсь.
Твоя, брат, победа, я Фебом клянусь!”*

УНЫНИЕ

1

Тоска гнетёт, печаль гнетёт.
Снесу ли бремя всех невзгод?
    О Жизнь! - худое племя
Таких, как я же, бедолаг
По шляху вечных передряг
    Твое проносит бремя.

Гляжу назад - и страх берёт:
    Увы, одни утраты!
Гляжу вперёд - увы, вперёд
    Глядеть страшней трикраты!

        Судьбина -
        Дубина.
    Но смертен человек.
        С кончиной

Кручины
Закончатся навек!

2

Я знаю: счастливы лишь те,
Кто жил в извечной суете,
О большем не мечтая.
Когда подводится черта,
Их утешает суета
Сильней, чем ложь святая!

Увидеть свет надежды нет,
И цель не видят очи.
Печален каждый мой рассвет
И безотрадны ночи.

Метанья,
Мечтанья
Вас тешат с давних пор.
Все планы
Обманны -
Таков мой приговор!

3

Блажен Отшельника удел!
Он, вне забот и не у дел,
Сидит в пещере тесной.
А рядом - свежие плоды,
А рядом - ключ, фонтан воды,
Прозрачный и чудесный.

И - ни родни, ни суетни
В отшельническом доме.
И вспоминаются они
Лишь разве в полудрёме.

Всецело
В пределы
Иные устремлён,
Лишь к милым
Светилам
Дорогу знает он.

4

Но я живу в толпе людской,
И с небывалою тоской
Я всё острее чую,
Что не покончу с суетой,
Для-ради жизни той, святой,
Мятежный дух врачуя.

Люблю весёлый мой уклад,
Подруга дорогая.
Но ах! Отшельник чист и свят,
Все это отвергая.

Приятель –
Предатель.
Я плачу... Но о чём?
Всё цельной

Отшельной
Натуре - нипочём!

5

Скончались дни моей весны,
Где ни одной своей вины
Не знал я за собою.
Сегодня, видя молодёжь,
Своё в ней горько узнаёшь
Бесстыдство молодое!

Юнцы, вы ищете утех
Беспечней коноплянок,
Но днём осмыслите вы грех,
Свершённый спозаранок!

Теряешь,
Страдаешь,
Покуда не зачах.
А к старым -
Кошмаром
Приходит вечный страх!

ПОСЛАНИЕ ДЖОНУ РЭНКИНУ

Ты, Рэнкин, ёра и остряк,
Пожрать и выпить не дурак.
Попов, святош - смертельный враг,
    И потому-то
Там адских мук желает всяк
    Для баламута.

Тебе достаточно куплета,
И лжесвятого песня спета,
И всем ясна натура эта
    Его животная,
Насквозь видна в потоках света
    Вся подноготная.

Враг лицемерья и обмана,
Ты беспокоишь беспрестанно
Пределы вражеского стана.
    Бескровны битвы,
Но режет ненависть сутаны
    Острее бритвы!

Уж лучше б ты содрал с них кожу,
Чем посягнул на их одёжу.
Оставь их голыми - и что же?

Поймет любой,
Что эти грешники похожи
На нас с тобой!

Стихи я шлю тебе пакетом,
И, размышляя над ответом,
Не отложи его при этом
Ты в долгий ящик,
Но выдай, будучи поэтом.
Стихов образчик.

А у меня дела в упадке,
И что-то с Музой не в порядке.
Ах, чем стихи марать в тетрадке
Темно и хило,
Уж лучше б я погибнул в схватке
У Банкер-Хилла!*

Со мной недавно случай был.
С ружьём я вечером бродил
И куропатку подстрелил,
Был час несветел,
Никто меня в полях - я мнил -
Не заприметил.

Я не разбойник (ради Бога!).
Поранил птицу я немного.
(Неужто мне одна дорога

Отныне - в ад?)
И всё-таки забил тревогу
Какой-то гад!

И кой-кому, и кой-куда
Он стукнул, сука. В день суда
Не нёс, юля туда-сюда,
Я ахинею.
Признавшись, уплатил тогда
Я штраф - гинею.

Клянусь вечернею зарницей,
Клянусь ружьём, пороховницей,
Клянусь той раненою птицей,
Я отомщу
И через год сей штраф сторицей
Я возмещу.

Тогда уж дичи не спасти!
Когда начнёт птенцов нести,
Начну сраженье с ней нести
Я, как с врагинею,
И пусть меня коров пасти
Сошлют в Виргинию!

Ума у наших судей нету:
Они не взяли на замету,
Что я чуть ранил птицу эту,

Резвясь от скуки,
И драгоценную монету
Забрали, суки!

Схожу с ума, ужасно злюсь,
За стих и прозу не берусь,
За жалкий пенни снова бьюсь
(Удел позорнейший!)
И твой при этом остаюсь
Слуга покорнейший.

ВИЛЛИ ЧАЛМЕРС

Красна узда; трудна езда
На маковку Парнаса
Гоню конька под облака,
Несчастного Пегаса.
Но он не мчит - ползёт, ворчит
И всё ж, пускай он в мыле,
Лишь был бы днесь прославлен здесь
Миляга Чалмерс Вилли.

И вас я, девушка, люблю,
И Вилли мне по нраву.
Меж вами чувства разделю,
Порадуюсь на славу.
Известен всем и всюду вхож,
Кого вы полюбили.

Я уверяю: всем хорош
Ваш выбор - Чалмерс Вилли!

Представят Честь и Правда вас,
Рассказ их будет ярок,
И Скромность подтвердит рассказ
Почтеннейших товарок,
Ах, пара ваших ярких глаз
Святых бы победили.
Немудрено, что пал сейчас
Влюблённый Чалмерс Вилли!

Пускай предложит вам судьба
С ухмылкою злодейской
Велеречивого попа
С цитатою библейской, -
Все увещанья болтуна
Убить любовь не в силе,
И ложь любая не страшна,
Коль с вами - Чалмерс Вилли!

Когда к вам сельский лэрд придёт,
И посулит вам счастье,
И вам с три короба наврёт
Насчет любви и страсти,
Из-под венца от молодца
Бегите, в чём вы были,
Покиньте дом хоть босиком,
Коль с вами - Чалмерс Вилли!

Я, скромный бард, вхожу в азарт,
Когда пою о друге.
Чертовски рад воспеть стократ
Я все его заслуги.
Хочу, чтоб страсть и неба власть
Союз благословили,
Чтоб день за днём цвели бы в нём
И вы, и Чалмерс Вилли!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ДЭВИ

Я - твой должник, мой друг-сосед.
Строчу письмо тебе в ответ.
Конечно, ты не льстец, о нет,
И всё же... Всё же,
Хвалить рифмованный мой бред –
Помилуй, Боже!

Скрипач мой милый, пусть поёт
Твой инструмент из года в год
И, отвлекая от невзгод,
Зовёт к победам,
Пока не станешь в свой черёд
Ты прапрадедом.

Известно мне, что в небреженье
Оставил ты стихосложенье.
Ты отдан Музам в услуженье
Природой, Дэви.

"Достоин Дэви заушенья!"-
Кричу я в гневе.

Я на Парнасе дни и ночки
Слова выстраиваю в строчки.
Масоны, девки, пива бочки
И - тяжесть дум:
"Когда же я без проволочки
Возьмусь за ум?"

Ты поэтическому клану
Представь меня, но я не стану
Потворствовать чужому плану
Для лжи и фальши.
(Немудрено мне, грубияну,
Послать подальше...)

Беспечны барды, словно детки.
У них в карманах деньги редки,
И нет ни мысли, ни наметки
На день грядущий,
Лишь были бы две-три монетки
На миг текущий.

Писать стихи - нет счастья боле!
И я пишу их - дома, в поле.
Ты, Муза, покоряясь доле,
Батрачишь тяжко
И отдохнуть не можешь вволю,
Моя бедняжка!

Вернись же к Музе, старина;
Ведь жизнь куда как непрочна:
Когда ты бед хлебнёшь сполна,
    Хлебнёшь от пуза,
Тебе останется верна
    Одна лишь Муза!

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛУ ПОЭТА

Кто б ни был ты - драчун ли вздорный,
Повеса ль, прихотям покорный,
Или философ смехотворный, -
    Ты, дуралей,
Здесь, надо мною, непритворно
    Слезу пролей.

Быть может, ты рифмач завзятый,
Что с песней незамысловатой
Идёт в народ, как я когда-то,
    В былые дни...
Над прахом бедного собрата
    И ты вздохни.

Ты умник, что советов море
Даёт в солидном разговоре,
Но, как бы сам с собою споря,
    Живёт вразнос?
Почти меня в жестоком горе
    Потоком слёз.

Здесь тот, кто был в ученье скорым.
Слыл заводилой, фантазёром,
Однако, с толком и разбором
    Жить не любя,
Ушёл, немыслимым позором
    Покрыв себя!

Читатель мой! Мечтой благою
Лети в пространство голубое,
Копай руду, в глухом забое
    Ищи барыш,
Кто б ни был ты - владей собою
    И победишь!

ПИСЬМО ДЖОНУ ГУДИ ИЗ КИЛМАРНОКА
по случаю выхода в свет его очерков

Тебя боятся виги, Гуди;
Попы (тьфу, пакостные люди!)
Тебе бормочут вслед: "Ох, буде
    Все десять мук
Египетских тебе б, паскуде,
    Достались вдрут!"

О горе! Суеверье - в хвори.
Пусть Чёрный Джок* рецептов море
Насочинять, с хворобой в споре,

Весьма горазд,
Больной, подозреваю, вскоре
Концы отдаст.

А Ортодоксия-старуха
Всё кашляет и стонет глухо.
Ещё вчера была вострýха,
Да вот припёрло:
Свистит разруха в оба уха,
Опухло горло.

Глядит Экстаз Религиозный,
Глядит в глаза судьбине грозной.
Пусть знахарь с харею серьёзной
Усердьем пышет,
Но пациент туберкулёзный
На ладан дышит.

Два плевела, два сорных стебля,
Вы с Тейлором, покой колебля,
Устроили лихую греблю
У нас в ставочке.
(Эх, братцы, нет на вас констебля,
Петли и бочки!)

Моим стишатам - грош цена.
Не смыслю в прозе ни хрена.
Неловок я - ты, старина,
Проворней лани.

Спеши, хотя б тебе сполна
Досталось брани!

Где можешь, бей зловредных сук.
Да не смутит тебя, мой друг,
Брехня собачья! Твой досуг -
Хмельной напиток.
(Сам, выпив, становлюсь я вдруг
Не в меру прыток!)

Ничто (хоть об заклад побиться!)
С шотландским элем не сравнится.
С ним от денницы до денницы
Дружны шотландцы.
С ним жарки дамы и девицы,
С ним ярки танцы.

Тьфу, чёрт! Мой стих - ни тпру, ни ну,
И тянет всё меня ко сну.
Ещё полпинты отхлебну
(О, миг желанный!)
И рифму вновь острить начну,
Как нож карманный!

ПОСЛАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУ ДЖОНУ МАКМАТУ,

которое Роберт Бернс присовокупил к “Молитве благочестивого Вилли”, отправленной по просьбе адресата

Пока, укрывшись под копной,
Крестьяне дождик проливной
Пережидают, - дорогой,
Сев в уголочек,
Я сочиню за час-другой
Вам сотню строчек.

Писал я много о попах,
Я их разделал в пух и в прах,
А нынче пробирает страх:
Дразнил я братию,
И та меня во всех церквах
Предаст проклятию!

Я номер выкинул пустой:
Я только сельский бард простой,
Но вот, поди ж, схлестнулся с той
Проклятой сворой,
И в ад отправлюсь на постой
Дорожкой скорой.

Погорячился я, но всё ж
Невмоготу и невтерпёж
Мне стало от елейных рож.
    Как, в самом деле, я
Сдержаться мог, когда в них - ложь
    И глупость велия?

Стократ жесточе Божьи слуги,
Чем бессловесные зверюги.
Сколь Гамильтону, сволочуги,
    Трепали нервы!
Передразнил я их речуги, -
    Пусть знают, стервы!

Кто бедным помогал в нужде,
Травим повсюду и везде.
Неужто злобе и вражде -
    Везде дорога?
О Муза пламенная, где
    Твоя подмога?

Ах, мне бы мощь твоих сатир,
О Поп! Церковников-проныр
Ославил бы я чёрный клир
    За то, что подло
Дурачит верующий мир
    "Святое" кодло.

Свидетель Бог, и сам я тож
На праведника не похож,

Но лучше атеистом всё ж
Я стану, сэр,
Чем стану с пакостных святош
Я брать пример.

Иному любы девки гладки;
Он плещет пиво без оглядки;
Он - честный грешник, он вам гадко
Не станет мстить,
Чтоб тут же проповедью сладко
Вас угостить.

Попы талдычат вам везде
О вере, правде и Христе.
Но верящий по простоте
Речам горячим.
Загинет в прахе, в нищете,
К чертям собачьим!

Прости, о Дева Пресвятая,
Прости, что Муза столь простая
Поёт, тебя упоминая.
Враг лицемерья,
Тебе, Религия родная,
Не враг, поверь, я.

Пускай, я говорю сейчас,
В грехах я по уши погряз,
Пускай дрожит мой грубый глас, -
Приду к соратникам,

С которыми б тебя упас,
    Назло стервятникам,

Назло бездельным паразитам,
Назло ворам, назло бандитам,
Назло всем дуракам набитым,
    Что давят массой,
Назло мошенникам, прикрытым
    Поповской рясой!

Пусть в силе пресвитериане,
Но искренние христиане,
Наперекор хуле и брани,
    Идут в народ,
И правда только в этом стане,
    О Эйр, живет!

Вы, сэр, я знаю, из таких.
Вы, сэр, не только меж своих,
Вы меж врагов, вы меж чужих
    Авторитетны, -
Настолько в действиях благих
    Вы, сэр, заметны.

Простите, если где не так
Ввернул словцо поэт-простак,
Но знайте: выразит не всяк
    Поэт словами,
Как был бы рад и счастлив как
    Дружить я с вами!

ПОСЛАНИЕ МАЙОРУ ЛОГАНУ

Уж как порой судьба ни бьёт,
В какой, бывало, переплёт
Наш брат-поэт ни попадёт,
    Трясясь по кочкам,
Мы с нашей Музою вперёд
    Летим по строчкам!

Порой гуляем без заботы,
Но отвлечёт вниманье что-то,
И мы стремглав летим в болото,
    Летим в кювет,
И тычут пальцем идиоты:
    "Вон, глянь, поэт!"

Играй, майор, как сатана!
Играй, пока цела струна!
Что проку, Вилли, старина
    В слезах мытариться?
Играй на скрипке! - Пусть она
    С тобой состарится!

Богатым будешь, мой дружок,
Иль будет жребий твой убог,
Но все-таки, свидетель Бог,
    Хотелось мне бы,
Чтоб поправляло твой колок
    Одно лишь небо!

Темп “ленте ларго” день за днём
Пускай к тебе не входит в дом.
Вот “аллегретто форте”, - в нём
    Триумф и слава,
Здоровье в нём и страсть с огнём.
    Живи в нем! Браво!

По нраву мне такой народ,
Что лихо пляшет и поёт,
Что не расчётлив наперёд
    В своем радушье,
Народ, в котором ум живёт
    И простодушье.

Но тех, кто холоден, жесток,
Кто чтит лишь толстый кошелёк,
Кто презирает, как порок,
    Чужую бедность,
Я в печке жёг бы, если б мог,
    За их зловредность!

Беспечный брат, когда помрём,
На небо в рай ли попадём
Иль Вельзевул на свете том
    Поддаст нам жару,
Все мило мне - тир-лим-бом-бом! -
    С тобой на пару!

Кто без греха? - Таких тут нет.
Нам ближнего судить не след.

Вон женщин поп уж сколько лет
Клеймит - и что же?
Люблю, люблю их я, поэт,
Храни их, Боже!

Я и поэт, и грешник жалкий!
Увы, в любой любовной свалке
Я уступлю любой нахалке.
От женщин - ах! -
Мои бессонные моргалки
Всегда в слезах.

Клянусь и солнцем, и луной,
И той звездой, что надо мной,
Что я подружке ни одной
Не дам отставку
И всякой девке заводной
Устрою давку!

Боюсь, когда припрёт нужда
И станет родина чужда,
Я не сумею никогда
Отсюда скрыться:
Любовь удержит навсегда
От заграницы.

Сестрице Сьюзи - уваженье.
Почтенной Лаки - выраженье
Моей приязни. В восхищенье
От них, брат, я:

В любом приятна отношенье
Твоя семья.

Пока мне, право, недосуг:
Меня, как прежде, кормит плуг,
А не стихи, - однако, друг,
Надеюсь всё же
На полчаса нагрянуть вдруг.
Ах, дай-то, Боже!

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПОРТНОМУ

Угомонись ты, сучья вошь!
Два раза треснул - и хорош.
Зачем с такою силой бьёшь,
Как будто я - вол?
Так синяки не ставил сплошь
Мне даже Дьявол!

И на меня находит стих,
И я давал врагам под дых,
Но - приходила злость на них
И уходила...
Да убери дубину, псих!
Слышь, ты, мудила!

Раз царь Давид (был - был грешок!)
Злодейский сочинил стишок,

И женский пол повергнул в шок
Стишок злодейский.
Но ко святым причтен, дружок,
Сей царь библейский.

Быть может, и меня Лукавый
Не загребёт за стих корявый,
И в рай войду, увенчан славой,
И с умным видом
Усядусь рядом, парень бравый,
С царём Давидом.

Но к чёрту рай! - И там, и тут
Меня законы крепко бьют,
И девки редко мне дают,
И я не в духе,
И должен ждать, пока снуют
Там повитухи.

Судейский, Клинкум-старичок,
Покашляв хрипло в кулачок,
Сказал, взглянув на мой торчок:
"Явился? Здрасьте!
Ты больно прыток, мужичок,
По женской части!"

Другой бы начал отпираться,
Но я решил во всем признаться,
Чтоб жалким трусом не казаться

Ни в коем разе.
И полились (куда ж деваться?)
Потоки грязи.

"Развратник!"- каркнул Клинкум - "Ха! -
Я ухмыльнулся - Чепуха!
Никто не умер от греха.
Мы все мотыжили.
Лишь моего бы петуха
Не отчекрыжили!"

"Но коль рука или нога
Ввергает в грех, круши врага,
Руби - и вся тут недолга,
Иль бей поленом, -
Сказал судья. - Смекнул? Ага?
Расстанься с членом!"

"Готовы, сэр, мои бока
Терпеть удары кулака,
Но делать, сэр, из петушка
Созданье куцее?
Нет, сэр, я воздержусь пока
От экзекуции!

Давайте, пренья завершим,
Мы живо дело сгоношим,
Коль местным дамам разрешим
Решать, как судьям,

Что делать с ним, таким-сяким,
Моим орудьем!"

Был в дикой ярости судья,
И суд решил покинуть я.
"Прощайте, - я сказал, - друзья!"
И двинул к двери.
Ох, чую, не дадут житья
Мне эти звери!

ОТВЕТ НА СТИХИ, присланные поэту владелицей поместья Уокоп-Хаус

1

Сударыня,
Когда я, молод и безус,
Впервые выдержал искус,
Труждаясь в поле, в риге,
Когда, решителен и твёрд,
Валился с ног, но, духом горд,
Не забывал о книге,

Когда с задачкой непростой
Я справился чудесно
И разобрался с бороздой
И девушкою местной, -

То пашни,
То шашни,
Веселая игра,
Попашешь,
Попляшешь,
А там и спать пора, -

2

Тогда я полон был идей,
Для бедной родины моей
Хотелось, хоть ты тресни,
Полезный план какой провесть
Или хотя бы преподнесть
Слова для новой песни.

Чертополох - шотландский герб.
И ни одной иголке
Не причинял я злой ущерб
Мотыгой для прополки.

Ни в сэры,
Ни в пэры
Не лезу я, бедняк.
Да что там! -
Быть скоттом -
Есть высшее из благ!

3

Невнятный рой, нестройный лад, -
Обрывки песен и баллад
В мозгу моём носились,
Но только после встречи с ней
С весёлой девушкой моей,
Стихи заколосились.

В её улыбке и глазах
Гуляла бесовщина.
Звенели птицы в небесах.
Поэтом стал мужчина.

Не скрою:
Искрою
Я вспыхивал тогда,
Но слово
Толково
Не молвил, - вот беда!

4

"За женщин!" - в зимние деньки
Провозглашают пареньки
На танцах деревенских.
Восторг без края и без дна
И муки сладкие сполна
Найдёшь в объятьях женских.

Ханжи, переживите ночь,
Мамаш не беспокоя:
Им, честным женщинам, невмочь
Терпеть родство такое!

Ханжи, вы -
Мужи? Вы
Хотите знать? в ответ -
Хохочем,
Гогочем,
Топочем вам вослед!

5

Я вам, воспитанной в дворце,
Пишу в ответном письмеце:
Спасибо за подарок.
За яркий плед благодарю.
В нём непременно покорю
Я муз, моих товарок!

Мне в пледе вашем всё теплей.
Причина здесь простая:
Он украшает мне филей
Роскошней горностая!

Кончаю.
Желаю
Вам счастья и добра,
А козни
Да розни -
Гоните со двора!

ПОСЛАНИЕ ПОЛКОВНИКУ ДЕ ПЕЙСТЕРУ

Как тут живётся мне, Поэту?
Болею, милый, мочи нету!
Парнас? Не влезть на гору эту
    Мне даже сдуру.
Трясусь, кричу, не взвидя свету,
    И пью микстуру.

Сей мир нам был бы лучшим другом,
Не награждай он нас недугом,
Но воздавай нам по заслугам,
    Кормя при этом
Поджаренным колбасным кругом,
    Поя кларетом.

О Жизнь! Не прочь сия девица
За твой же счёт принарядиться,
И всё ж не ведает границы
    Её измена.
В ней с истиною ложь гнездится
    Одновременно.

Как хитрый кот, что мышки ради
Весь день готов сидеть в засаде,
Так Сатана, с надеждой глядя
    Из тьмы кромешной,
Вдруг - цап-царап! - и скрылся дядя
    С душою грешной...

Ох, Ник, скотина ты скотина!
Ты улыбаешься невинно,
Сулишь нам баб, сулишь нам вина,
Сулишь нам фрукты,
Но - ткёшь и ткёшь нам паутину,
Как злой паук, ты.

Бывает, муха пролетит,
Как будто счастье возвестит.
Фантазии, как аппетит,
В тебе взыграют:
Ты обеспечен, знаменит,
Тебя все знают.

Бывает - всё наоборот:
Паук на муху ль нападёт
Иль та закончит свой полёт
На ленте липкой, -
Мушиной смерти, идиот,
Ты ждёшь с улыбкой.

Вот мерзость - аж мороз по коже!
Несу я чушь - но для чего же?
Я больше вас не потревожу
Строкою лишней.
От Сатаны храни нас, Боже!
Аминь, Всевышний!

ЗИМА

Плач

Студёный вест свистит окрест -
Стучат и дождь, и град.
Сумбурный норд берёт аккорд -
Нас дождь и снег слепят.
Ручей ревёт, напором вод
Раздвинув берега,
Лесной народ со страхом ждёт
Нашествие врага.

Другому пусть тоска и грусть,
Чем дале, тем страшней:
Зимою мне милей оне
Весёлых майских дней.
Метели вой отзыв живой
В душе моей найдёт:
Худые дни тому сродни,
Кто стонет от невзгод!

Небесный Вождь, пролей не дождь,
А ливень страшных бед!
Что наша боль? Ты - воля воль,
Ты - сам себе запрет.
Но я прошу, пока дышу,
Чтоб ты помог меж гроз
Мне твой удар принять как дар,
С улыбкой - вместо слёз!

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Пускай герой, входя в азарт,
Нам хвастается раной,
Пускай порой досужий бард
Поёт о славе бранной,
Противен мне, кто на войне
Людей уничтожает,
По мне герой, кто род людской
В любви приумножает!

Нам землю отдала во власть
Великая Природа
И молвила: "Живите всласть,
Плодитесь год из года!
Живите всласть! Огонь и страсть
Влагаю в человека,
И пусть на том стоит ваш дом
Отныне и до века!"

Создатель этих скромных строк
И житель Койлы древней
Старался сделать их, как мог,
И ярче, и напевней.
Кипел, могуч, Природы ключ
На творческом просторе.
По мере сил певец творил,
С течением не споря.

Природы чувствуя завет
Всегда, везде и всюду,
Непрекословящий Поэт
Творил, покорный чуду.
Цветы хранит от злых обид
Защитница благая.
В союзе с ней вдвойне сильней
Певец родного края!

Отметим третье сентября:
Родился новый Робин.*
Пусть будет Робином не зря
И первому подобен.
Пускай растёт и превзойдёт
По всем статьям папашу,
Еще сильней, еще звучней
Прославив Койлу нашу!

Пусть Силы мирные глядят
На Койлу добрым взором,
Пусть ей они благотворят
С излишком, с перебором,
И пусть она стоит, сильна,
И ныне, и навечно,
И Бернсов род о ней поёт
И длится бесконечно!

ПОСЛАНИЕ МИСТЕРУ ДЖОНУ КЕННЕДИ

Вы были в Мохлине на рынке?
Девицы там, как на картинке.
Об этой ягоде-малинке,
    О сладкой даме,
Отшельник, по мужской слабинке,
    Мечтает в яме.

Прошу, мой друг, свернув направо,
Зайти в пивную Джона Дава.
Пошлют за мной. Мальцов орава
    Покажет резвость.
Клянусь, коль не кутнём на славу,
    Ударюсь в трезвость.

Я не из тех, кто рад напиться
И в грязь по-свински завалиться.
Пусть рядом кто-нибудь садится,
    Кто спорит умно.
Люблю с таким наговориться
    И выпить шумно.

Но если, взяв пример с вельможи,
И вы готовы, милый, тоже
Судить о людях по одёже,
    Шутить над сирым,
С таким дружить - себе дороже.
    Простимся с миром.

Мой друг, о вашем неприятье
Жестокосердной, грубой братьи
Наслышан я. Готов пожать я
Вам руку, милый,
И заключить в свои объятья
Со всею силой!

ТЕЛЕЦ
Посвящается преподобному Джеймсу Стивену в связи с библейской цитатой:

"И вы выйдете и взыграете,
как тельцы упитанные".
Книга Пророка Малахии.
Глава 4, стих 2.

Что правда есть за словесами,
Я докажу, святой отец:
Господь свидетель, вы и сами -
Весьма упитанный Телец!

Придись начальству вы по нраву,
Вы нарастите свой бочок.
В богатом храме вы по праву -
Весьма упитанный Бычок!

А угождать начнёте Леди,
Которой сам Король знаком,
Через постель придя к победе,
Вы мощным станете Быком!

Но, воротясь к истокам чистым,
Найдёте в браке свой кумир,
И с украшением ветвистым
Увидит вас крещёный мир.

Потом вы станете протяжно
Мычать в церковной борозде,
Потом везде начнёте важно
Ходить при ленте и звезде.

И в некий день седые плиты
Украсят надписью такой:
"Се - прах Бычища знаменита.
Господь, скотину упокой!"

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО СЛУЧАЮ ВИЗИТА К ЛОРДУ ДИРУ

День двадцать третье октября
Запомнил я благодаря
Воспоминаньям гордым:
В тот день в хоромах на холме
В непринуждённой кутерьме
Я пообедал с лордом.

Я пил в компании писак,
Я пил с попами, и впросак,
Представьте, не попался.

Вина я бочку опростал,
Его со сквайрами хлестал
И всё не нахлестался!

Наш лорд - шесть футов, дивный рост! -
На всех, как будто с дальних звёзд,
Глядел с высокой точки.
Так снисходительно глядел,
Как я гляжу на свой удел
И собственные строчки.

(Эх, если б Хогарта* сюда!
Нарисовал бы хоть куда
Он Робина-поэта,
Когда сей сельский остолоп
Стучал ногами - топ-топ-топ! -
По скользкому паркету.)

Я встал тихонько у стены.
За лордом я со стороны
Следить украдкой начал.
И видел я, и признаю:
Он исключительность свою
Ничем не обозначил.

Того, кто всем владел окрест,
Походка, мимика и жест
Никак не выдавали.
Хоть век в засаде я простой,

Но пахарь честный и простой
Быть проще мог едва ли!

Наш лорд мне добрый дал урок,
И я в тот день запомнил впрок,
Что титулы не святы.
Покуда честность - твой кумир,
Тебя их милость, славный Дир,
Готов принять, как брата!

НАДПИСЬ НА КАМНЕ, который Роберт Бернс поставил на могилу шотландского поэта Роберта Фергюсона*

Ни надписи помпезной, ни скульптуры
Лишь грубо обработанный гранит
Шотландии указывает хмуро,
В каком углу земля тебя хранит.

Твоею потрясённая судьбою,
Пускай припомнит родина, скорбя,
Как Роскошь, восхищённая тобою,
Лишеньями замучила тебя.

Скромны плоды хлопот моих упорных,
Но в памятниках пышных правды нет.
И краше вычур хитрых, рукотворных
Бессмертные стихи твои, Поэт!

СТИХИ НА ПОРУБКУ ЛЕСА БЛИЗ ДРАМЛАНРИГА

Где серебрится Нит-река,
Стоял я летом поутру.
Я наблюдал холмы, луга,
Ягняток резвую игру.
Я примостился на скале,
И размышленьям дал я ход,
Но вдруг из глубины реки
Поднялся дух окрестных вод.

И был он мрачен, как скала,
И беспокоен, как волна,
И бесконечная печаль
Была в глазах его видна.
И он спросил: "Зачем ты здесь
Бродил в тени моих берёз?
Иль ты Шотландию воспел?
Иль ты шотландку превознёс?

Ещё совсем не так давно
Блистала здесь моя краса.
Здесь на обоих берегах
Шумели дивные леса.
Здесь шелестели бук и вяз,
Роняя тень на мой поток,
И дуб здесь ветви простирал,
И вширь тянул их, сколько мог.

И домик маленький стоял
Как раз над мельницей - вон там, -
И огонёк в окне мерцал,
И дым тянулся к небесам.
А ныне в доме - ни души,
И крыша ветром снесена,
И лишь берёзка на юру
Дрожит одна, совсем одна...”

“Увы! - вздохнул я и спросил: -
Какой неумолимый рок
Скалистый берег обнажил.
Леса с холмов твоих совлёк?
Восточный ветер ли окрест
Буянил раннею весной?
Иль, может быть, древесный червь
Под корень свёл твой мир лесной?”

“Здесь ветер злой не бушевал, -
Мне дух речной сказал в ответ, -
И обнажили берега
Совсем не черви здесь, о нет, -
Не червь, но подлый человек
Нанёс мне гибельный урон.
С какою гордостью несёт
Корону герцогскую он!”

СТРОКИ, АДРЕСОВАННЫЕ МИСТЕРУ МИТЧЕЛЛУ, сборщику налогов из Дамфриза

Друг, здравствуй! (Мысленно целую.)
Со мной намедни шутку злую
Сыграл Нечистый. Он, балуя,
    Взмыл ураганом
И по моим напропалую
    Промчал карманам!

Уж вот несчастье так несчастье!
Мой милый, помоги в ненастье,
Ссуди хоть фунт, и, верь, до страсти
    Я счастлив буду.
Покуда жив, я об участье
    Не позабуду.

Пусть старый год уйдёт, стеная,
Пусть новый год придёт, стоная:
Пусть ноша тяжкая, двойная,
    Сильней всех пыток
Согнёт его. Та ноша, знаю, -
    Твой, друг, прибыток.

Постскриптум

Как я узнал про ту проруху,
Так повстречал я смерть-старуху.
Но припустил я что есть духу,
Покинув бабку,
Не то б сграбастала, говнюха,
Меня в охапку.

Клянусь, усвоил я урок,
Клянусь, урок пошёл мне впрок.
К себе я боле буду строг,
Чем был покуда.
Эй, глупость, ну-ка за порог
Вали, паскуда!

СТИХИ ДЛЯ МИСС ЛОГАН, которой поэт преподнёс томик произведений Битти в качестве новогоднего подарка*

Свершило время оборот,
И минул год, и вот я вижу:
Краса небесная, сей год
Ещё вы к Небу стали ближе.

Пусть я сокровища раджи
Для вас не вымел подчистую,
Я посылаю от души
Вам повесть Эдвина простую.

Мужчины - лживы? Ангел мой,
Не буду спорить, - предположим.
Но пусть на Эдвина любой
Поклонник будет ваш похожим!

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНА, который прислал газету Роберту Бернсу, предложив и впредь делать это бесплатно

Я вашу, сэр, прочёл газету.
Чего в ней, право, только нету!
Я из газетной перепалки
Узнал, кому вставляет палки
Француз, поганый, подлый веред;
Кому голландец грязный серет;
И что Иосиф - славный кобель
И потерял державный шнобель;
Что нынче русские и турки
Друг друга лупят, как придурки;
Что снова шведы прут, шалавы,
И снова ждут второй Полтавы;
И что датчане врут и хлыздят;
И что поляки их отфиздят;
Что немцы любят канонады,
А итальянцы - серенады;
И что вола испанцы крутят;
И что швейцарцы воду мутят;
Что наши славные ребята
Ведут себя молодцевато;
И что с парламентскою бражкой

Георг сошелся в битве тяжкой;
Что поскандалил Вилли Чатам;
Что Чарли врезал сгоряча там;
Что Бёрк не охнет и не пёрнет,
Покуда Гастингса не вздёрнет;
Что мы прославимся в Европах,
Введя налог на голожопых;
И как дела с Уэльским принцем,
И всё ль он бегает с гостинцем,
Весьма стоячим и неслабым,
По городским и сельским бабам,
Иль стал он клячей негорячей,
Остыв от свадьбы жеребячьей, -
Я б без известий этих свежих
Ходил по-прежнему в невежах.
Письмо "спасибом" уснащаю
И с тем газету возвращаю.

Эллисленд, в воскресенье утром

Возражение джентльмену, которому было адресовано вышеприведённое стихотворение

"Поэты все неаккуратны!" -
Твердили вы неоднократно.
Сэр Питер, милый мой сосед,
Все десять дней газета - рядом.
Не то что пальцем - даже взглядом
Не осквернил, её поэт!

СТИХИ ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНА, которого я обидел

Когда не лунное свеченье,
Но эль, пролившийся рекой,
Приводит к умопомраченью, -
Презрен да будет муж такой!

Зачем не умер от позора
Я, виршеплёт и пустобрех?
Мне стыдно. Я потупил взоры.
О сэр, простите мне мой грех!

РЕБЁНКУ, который появился на свет после смерти отца в семье, претерпевающей крайнюю нужду

Тебя мы ждали, страх сокрыв
В молитвах бесконечных,
И ты родился, победив
И самых бессердечных.

Метель, что дует в ноябре,
Поля наполнив свистом,
Ты переждёшь в лесном шатре
Под пологом ветвистым.

Пусть Тот, кто дождиком кропит
И насылает грозы,
Тебя от ливня охранит,
От снега и мороза.

Пусть Тот, кто дружится с бедой,
Подружится с любовью,
Дав сил былинке молодой,
А матери - здоровья.

Живи при свете летних звёзд,
Живи в рассветной стыни,
Живи, не замедляя рост,
Наперекор судьбине.

Пройдя весь круг вселенских мук,
Живи, не умирая,
И землю засели вокруг
От края и до края!

ЭПИТАФИЯ ДОЧЕРИ ПОЭТА

Готовясь выйти из бутона,
Цветок безвременно увял.
Его невинность упоённо
Чудесный запах раскрывал.

Утешьтесь, люди, новой ролью
Её, угасшей на глазах:
Она, простясь с земной юдолью,
Цветёт сегодня в небесах!

НАБРОСОК

Портрет Крича-книготорговца

Наглец развязный и неугомонный,
Самим собой настолько восхищённый,
Что рад скорее в тень свою влюбиться,
Чем в ангелоподобную девицу.
Бывал во Франции; теперь долдонит -
Сюсюкает, мерсикает, пардонит.
Отшлифовал ужимки, обезьяна,
И нынче обезьянит без изъяна.
Освоил он искусство непростое
Переливать порожнее в пустое.
На пенни твёрд, но гибок на гинею
Он с плутовством и хитростью своею.
Его натуру, ради пользы вящей,
Лечить работой нужно настоящей!

КАПИТАНУ РИДДЕЛЛУ ИЗ ГЛЕНРИДДЕЛЛА, возвращая газету.

Известья, ревю, сэр,
Назад отдаю, сэр,
Стряпнёю пресытившись пресной,
О драках и войнах,
Насильях разбойных
Строки не прочтёшь интересной.

В газетной пекарне
Работают парни,
Что судят о собственных пышках
Лишь в узком пределе,
А в целом о деле
Понятия нет в их умишках.

Простое перо, сэр,
На ваше добро, сэр,
Строкой не ответит нетленной.
Когда бы светило
Мне луч одолжило,
Я славил бы вас во вселенной!

БЛАГОРАЗУМЬЕ МНЕ ТВЕРДИТ НАПРАСНО...

Благоразумье мне твердит напрасно,
Что без оглядки в мире жить опасно.
Живу, люблю - мне ничего не значит,
Что осужденье близкое маячит.
И пусть шутом гороховым казаться
В чужих глазах я буду, может статься,
Я твёрд, Благоразумье, в светлой вере:
Любовь Кларинды возместит потери!

ПУСКАЙ ЛЮБОВЬ, И ДРУЖБУ И БОГАТСТВО...

Пускай любовь, и дружбу, и богатство,
Пообещав, Фортуна не дала,
Переживу я молча неприятство:
Фортуна - врунья, вот и все дела.
Я жить начну с расчётом, как сумею,
И если всюду ждёт меня беда,
Стерплюсь я с нею, и слюблюсь я с нею,
И страх отброшу раз и навсегда.

ТРАГИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ

Пускай преступник я закоренелый,
Пускай на мне клейма поставить негде, -
Меня страшит испорченность людская.
Со вздохом искренним, но бесполезным
Я зрю беспомощных детей страданья,
Во злых слезах я ныне зрю тирана,
Изничтожающего мужа честна
За то лишь только, что мятежен сердцем.
Жалею вас, беспомощных, никчемных,
Когда жалеть вас чают лицемеры,
Жалею вас, отверженных бродяжек:
Как водится, Порок ваш Крах приблизил.
Когда бы не друзей моих щедроты,
И я бы к вам заброшен был судьбиной,
Ничтожнейшим бы стал среди ничтожных!
Бог оскорбленный! Милостью твоею
Талантами я превзошёл собратьев.
Я превзошёл мужланов заурядных
Настолько же, насколько, мне мирволя,
Ты превзошёл и меру, и предел!

ГОРЮ, ГОРЮ...

Горю, горю; желание моё -
Огонь, под ветром гложущий жнивьё.
То проклинаю роковую ночь,
То славлю миг, что позабыть невмочь.
Напрасно мне законы портят кровь:
Мертвы законы, где жива Любовь!
Напрасно поп стыдит меня в глаза:
Я пережду, пока пройдёт гроза.
Напрасно совесть гасит мой огонь:
Пылает страсть - попробуй только тронь!
Слетает разум с трона, с высоты.
На этом троне правишь только ты,
И мысли все уходят в тот предел,
О коем прежде я мечтать не смел!

Готов поклясться небом надо мной,
Готов поклясться даже сатаной,
Тобой поклясться! - За Любовь твою
Я жизнь и душу нынче отдаю!

ЗАТЮКАННЫЙ СУПРУГ

Будь проклят муж, супружнице-тиранке
Прощающий попрёки и забранки,
Что без неё - ни влево и ни вправо,
Что пенс потратить не имеет права,
Что всё ей должен выложить о друге,
Сильней чертей боясь её, супруги.
Уж я б такой, будь мужем, задал перцу,
И душу выгряс, и разбил ей сердце:
Я целый день, вставая спозаранку,
При ней бы целовал её служанку!

ЭПИГРАММА ПО ТОМУ ЖЕ СЛУЧАЮ

О Смерть, он был тобой сражён.
Я сетую и плачу:
Свободно мы меняли жён
И не просили сдачу.

Кончину он не заслужил.
Махнемся наудачу:
Ту стерву я бы предложил
С душой её впридачу!

ЕЩЁ ОДНА ЭПИГРАММА НА ТУ ЖЕ ТЕМУ

Артемизия (факт говорит исторический),
Овдовевши, ударилась в плач истерический,
А потом из любви все приличья нарушила:
Мужний прах из костра утащила и скушала!*

А в Голландии (факт говорит исторический)
Королева была толщины циклопической.
Овдовев, она тож предалась гастрономии:
Мертвеца сожрала из любви... к экономии!

ИЕРЕМИАДА*

О мать, меня ты родила
Для горя и для муки,
Меня повсюду ждёт хула
И смертный страх разлуки.

Заёмный вексель мне б сейчас
Под пять процентов... Боже!
Но тут отказ и там отказ,
Везде - одно и то же!

И нет ни денег, ни судьбы,
И лишь беда - воочью,
И лишь презрение толпы
Я чую днём и ночью!

В СТЕРЛИНГЕ

Где Стюартов блистала слава,
Где чтили наш закон и право,
Стоит разграбленный дворец.
Чужак шотландский взял венец.
Преемство наше прекратилось.
Чужое племя воцарилось.
Чем лучше узнаёшь свиней,
Тем ненавидишь их сильней!

СТРОКИ, написанные в ответ на замечание о том, что вышеприведённые стихи могут пагубно отразиться на будущей карьере Роберта Бернса.

Поэт, завзятый клеветник,
ты не узнаешь славы близко:
Ты славой после этих слов
навеки вычеркнут из списка.
Недаром Мэнсфилд говорил
(и с ним нельзя не согласиться):
Чем больше правды, тем сильней
и клевета вокруг плодится!

ОТВЕТ СВЯЩЕННИКУ ИЗ ГЛЭДЗМЬЮИРА*

Я похож на Эзопова льва:
Пусть меня унижает молва,
Пусть останется сердце разбитым,
Лишь бы с худшим не встретиться злом:
С торжествующим глупым ослом
И с его беспощадным копытом!

ЭКСПРОМТ, сочинённый в Высшем суде по гражданским делам.

Лорд Адвокат

Законы сдвинув набекрень
В витийственном дурмане,
Навёл он тень на ясный день
И заплутал в тумане.
Потел, и мок, и где не мог
Свести концы в спектакле,
Статьи с параграфами впрок
Засунул вместо пакли.

Мистер Эрскин

Наш Гарри встал, гроза грозой,
Наш Гарри был в ударе.
Их милость робко, со слезой
Внимал рычанью Гарри.
А тот, что град, что водопад,
Гремел, - достало мочи! -
И господа - состав суда -
Чуть-чуть отверзли очи.

МОЛИТВА ПЕРЕД ОБЕДОМ

За то, что Ты смиренных чад
Хранишь и множишь роды.
Тебе молитвы их звучат,
Великий Царь Природы!
Пошли отрад, пошли им град,
Но в час любой погоды
Ты больше не пошли утрат,
Чем слал в былые годы!
Аминь!

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Скончался честный человек.
Он правде присягал навек.
Друзьям надежда всех надежд;
Наставник молодых невежд;
Был, как немногие, учён;
Достойной жизнью увлечён.
Коль есть тот свет, пускай сей муж
Живет в кругу чистейших душ,
А нет, так что же? - Наш кумир,
Как мог, улучшил этот мир!

СТИХОТВОРЕНИЕ, которое Роберт Бернс сочинил и прочитал вслух, прощаясь с хозяином одного гостеприимного дома в Горной Шотландии.

Когда моя угаснет плоть,
То душу стихотворца
Пускай введёт к себе Господь
С гостеприимством Горца!

СТИХИ,
написанные на окне гостиницы в Карроне*

Мы не мечтали поумнеть,
Свершив обход поспешный,
Желая лишь уразуметь,
Каков он, ад кромешный.

Ваш местный сторож, дав отказ,
Премного нас обяжет,
Когда, в геенне встретя нас,
Он снова нам откажет!

ЭПИГРАММА,
написанная в Инверэри

Любого жаль мне, как себя,
Кто едет в Инверэри.
Да возместит Господь, любя,
Страдальцу все потери!

Я буду в нищей стороне
Лишь только в час паденья,
Когда свой гнев сорвать на мне
Захочет Провиденье!

ЭКСПРОМТ,
сочинённый
в честь мистера Вильяма Смелли, автора
“Философии естественной истории”, члена Антикварного и Королевского обществ Эдинбурга*

Се - Крохаллан. Он в старенькой шляпчонке
И столь же старом сером сюртучонке.
Приличною щетиной он покрылся:
Четыре дня и ночи он не брился.
Его власы - что дикая дубрава,
Зато мозги - им нет сравненья, право.
Язвительностью ум его отмечен,
Но друг наш - мил, открыт, добросердечен.

ЭКСПРОМТ, сочинённый после того, как Роберт Бернс отказался отобедать с мистером Саймом, посулившим ему компанию своих самых интересных гостей и самое вкусное угощение

Ваш дом гостями переполнен был,
И был ваш стол весьма разнообразным.
Кто в остроумье вам не уступил,
Не уступил и всем другим соблазнам.

МИСТЕРУ САЙМУ при подношении ему дюжины бутылок портера

Эх, кабы солод, мил дружище,
Да крепок был, что твой умище,
А хмель пахучим, как словцо,
Что можешь бросить ты в лицо,
То и Адаму это пойло
Преподнести могла бы Койла,
И даже Сайму нализаться
Здесь было б трудно отказаться!

ЭПИГРАММА НА МИСС ДЖЕССИ ЛЬЮАРС, написанная карандашом на оборотной стороне входного билета при посещении бродячего зверинца

Я про жестоких дикарей
Читал в досужей прессе
Но сердцу бедному острей
Наносит раны Джесси.

Но чую, ручку ей пожав,
Что мы - единоверцы.
Не ловит взор небесный хор,
И не страдает сердце!

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ МИСС ДЖЕССИ ЛЬЮАРС

С тех пор, как был Природой юной
Впервой украшен мир подлунный,

Не часто жители земли
Увидеть ангелов могли.

Но и доныне серафима
Мы на земле видаем зримо,

Затем, что злая хворь прошла,
И Джесси Льюарс ожила!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ДЛЯ МИСС ДЖЕССИ ЛЬЮАРС

Какие чары в мире есть,
Что Смерть могли б от нас отвесть?

Ей не мешали никогда
Ни чистота, ни доброта.

Когда б от них зависел мир,
Доселе жил бы наш кумир!

ДОКТОРУ МАКСВЕЛЛУ
по случаю выздоровления мисс Джесси Стейг

Вы, Максвелл, хвастаете зря,
Нам поминутно говоря.
Что Джесси воскресили.
Ведь Джесси - Ангел. Смерть её
К себе на вечное житьё
Была забрать не в силе!

ТОСТ

Вина мне живо принеси
И яркий тост произнеси.

Пусть имя Джесси в этом тосте
Услышит Бард, пришедший в гости,

И можешь крикнуть аж до звёзд,
Что это - лучший в мире тост!

СТРОКИ,
написанные на чистом листе одной из книг мисс Ханны Мор, которую некая леди подарила Роберту Бернсу

Подарок лестный - дружбы знак.
С ним не забуду я никак
Дарительницы милой.
Творенье женщины - оно
Мужчин и женщин заодно
С великой славит силой.

Ваш дар изыскан и красив,
Не может быть и краше,
Но отклоняю, неспесив,
Я комплименты ваши.

Сколь ярок
Подарок
От вас, такой прелестной!
Я таю,
Мечтаю
О нашей Дружбе тесной!

НА СМЕРТЬ КОМНАТНОЙ СОБАЧКИ ПО КЛИЧКЕ ЭХО

И как же, птахи, сникли вы,
Узнав про ту кончину!
Обезголосели, увы,
Леса наполовину.

Никто из вас не пропоёт
Сегодня без огреха,
Как будто половина нот
Скончалась вместе с Эхо!

НАДПИСЬ НА КУБКЕ, сделанная в доме мистера Сайма

Пусть Смерть из стакана глядит на меня,
Из каждой наполненной кружки,
Но как мне такая мила западня
И как долгожданны ловушки!

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Страницы сверли и сверли, как бурав,
Об этом не станет печалиться граф,

Однако, не тронь переплёт золочёный:
Потери не вынесет граф огорчённый!

ФРАГМЕНТ

Твоя улыбка умерла.
В лице здоровья нет.
Надежда, если и была,
Ушла, пропал и след.

И всякий час в молитве я,
Но небо все молчит,
И, страх смертельный не тая,
Душа моя кричит.

РАСКАЯНИЕ

Из всех несчастий, что терзают мир,
И душу давят, и казнят наш разум,
Нет хуже тех, которые случились
По нашей глупости или вине.
При прочих обстоятельствах наш разум
Твердит одно: "Я к делу не причастен!"
Но если, в довершенье к неудаче,
Мы слышим голос: "Так тебе и надо!"
Иль чувствуем Раскаяние остро,
Иль мучает сознание вины -
Вины, быть может, пагубной для многих,
Невинных, молодых и нас любивших,
Всё потерявших от самой любви, -
Кипящий ад, вместитель всех страданий,
Страшнее пытки и в тебе не сыщешь!
И есть ли в мире где такой преступник,
Что тут, бесстрастно выставив резоны,
Взволнованное сердце успокоит,
Подавит бунт своих мятежных мыслей
До полного их умиротворенья?
Коль есть такой, он зависти достоин!
О щедрость, о души его величье!

ЛИЗОБЛЮД

Пускай с тобою дружит граф
И герцог. Ну и что ж?
На королеве побывав,
Осталась вошью вошь!

МИСТЕРУ МАКМАРДО, казначею герцога Куинзберрийского

Пускай ему до дней последних
судьба не кажет острых терний.
Пускай завистливая туча
не скроет луч его вечерний.
Пускай заботы не оставят
на нём глубокие морщины.
Пусть ни единый лишний волос
не поседеет от кручины.
Пусть честь отцовскую наследник
хранит от грязи и порока.
Пусть дочь поступками и словом
не мучит матушку жестоко.

ДАМЕ,
которая усердно просматривала Библию во время проповеди

Не надо делать выводов поспешных,
Искать намёков смутные следы...
Толкует поп о "*тварях многогрешных*",
А вы, мой друг, - из *ангельской* среды!

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ МОЛИТВА В ДОМЕ ГРАФА СЕЛЬКИРКА

У кого-то есть еда, да беззубы господа,
А зубастые порой - без корки лишней.
А у нас еды в достатке да и зубы все в порядке,
Так что будь благословен, Отец Всевышний!

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ДОБРОЙ ЛОШАДИ, которую звали Пэг Никольсон

Ты доброй лошадью была.
Печаль моя - безмерна:
По Ниту нынче не плывёшь,
Минуя устье Кэрна.

Ты доброй лошадью была
И гарцевала добро.
По Ниту нынче ты плывёшь -
Одни сплошные рёбра.

Ты доброй лошадью была.
Поповским задом тёрта,
По Ниту нынче ты плывёшь -
К рыбёшкам Солуэй-Фёрта.

Ты доброй лошадью была,
Красавицей, картинкой,
Но бич терпела наравне
С поповскою скотинкой!

ДЖОНУ ТЕЙЛОРУ

Когда наскучил небосклон
    Блистательному богу,
Велел Пегасу Аполлон
    Спуститься на дорогу.

Спустился конь и охромел
    От смены обстановки,
И Аполлон уразумел:
    Пора надеть подковки.

Вулкан подковы сгоношил,
    И светлый бог при этом
С оплатой также поспешил
    И заплатил сонетом.

Уонлокхедцы, кузнецы!
    Пегас мой хром, ребята.
Подкуйте лошадь, молодцы,
    Приняв мой стих в уплату!

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ НА БАНКНОТЕ

О мерзопакостный листок!
Ты - чёрных бед моих исток!
Ты отнял у меня подружку!
Ты отнял даже пива кружку!
Детей - и тех родного крова
Способен ты лишить сурово.
Я вижу торжество тирана,
Что ближних грабит безвозбранно:
Ты - ты заведомого вора
Спас от суда и приговора!
Но нет тебя при мне, и горя - через край,
И должен я сказать:"Прощай, любимый край!"

ЭПИГРАММА НА ИЗВЕСТНОГО ХЛЫЩА

Он был трусливее цыплёнка,
И вы на сердце очень тонко
Ему земли насыпьте пласт;
Но на коробку черепную
Поставьте башню крепостную -
И череп трещины не даст!

ТЭМ-КАПЕЛЛАН

Тэм-капеллан*, сосед мой бравый,
Однажды встретился с Костлявой.
Отвесив вежливый поклон,
Её весьма растрогал он
И от такой ее приязни
Беседу начал без боязни.
Никто не вёл с ней до сих пор
Такой сердечный разговор,
И сладкогласный обольститель
Был Смертью взят в её обитель!

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Я похоронен в лучшем виде -
На Росинанте* верном сидя.
Мой Росинант башку повесил,
А я и здесь - чертовски весел!

ЭКСПРОМТ
на хозяина гостиницы по фамилии Бэкон, который навязывал себя всем компаниям.

Весь год мы отличным беконом питались,
Беконом питались - довольны остались.
Хозяин - прекраснейший был человек он.
(Без этой ужаснейшей присказки - “ Бэкон”!)

НА ТВЕРДОЛОБОГО ТУПИЦУ, или к вопросу об умственных способностях интенданта Гоулди

За мощью этой толщины -
Столь хилое имущество,
Что в толщине такой стены
Не видно преимущества!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НЕКОЕЙ ЛЕДИ из боязни, что автор мог ненароком обидеть её.

Коль простоты на мудреца
Бывает впрямь довольно,
Прошу, невольного глупца
Простите сердобольно.

Суда приличье не творит,
Не воздымает пальца,
И лишь несдержанность корит
Оплошного страдальца!

ЭПИГРАММА НА МАРИЮ

Считает лорд: "Пускай хвалы
всех женщин удостоят,
И даже тех, на ком есть грех
и что хвалы не стоят."

Хвалу могу я изобресть,
но вот сомненье гложет:
Ведь вам, пожалуй, даже Лесть
польстить едва ли сможет.

Но умолчание моим
не отвечает видам.
Чем больше выскажу похвал,
тем больше истин выдам!

НА КРАСАВИЦУ ЭЛИЗУ Д-Н

Свобода и Равенство! Общеизвестно -
О них толковать вам весьма неуместно:
Под вашею властью так много народа,
Что где уж тут Равенство, где тут Свобода?

ОТВЕТ НА ПРОСЬБУ ХЛОРИС

Терновую веточку в белом цвету
На грудь попросила ты для украшенья.
Терзать эту нежную грудь? - Предпочту
Я чаяний лучших развал и крушенье!

МИСТЕРУ МАКЕНЗИ, ХИРУРГУ ИЗ МОХЛИНА

Аврал, мой миленький, аврал!
Их милость пятницу назвал
Ближайшим днём для встречи.
Там Джонни проповедь прочтёт
И Мэнсон упоит народ
Под выспренние речи!

Масонство честь воздаст врачу
Торжественным парадом,
И я хочу плечом к плечу
Сидеть с тобою рядом!

А ежли
Невежли-
-во Смерть придёт - люли! -
Ей трёпку
Неробко
В субботу посули!

ХУДОЖНИКУ

Твой ангел, сколько ни пиши,
Тепла не излучает.
Твой ангел помыслам души
Твоей не отвечает.
Твой ангел вышел неказист,
Но выйдет бес отлично:
Уверен я, что портретист
Знаком с натурой лично!

СТИХИ, НАЧЕРТАННЫЕ НА БОКАЛЕ

Удачи, Стюарт Вилли!
Богаче, Стюарт Вилли,
Цвети стократ, чем майский сад,
Благоухай на мили!

Живи, и пей, и вновь налей,
Как мы постановили!
Ты кварте, брат, в азарте, брат,
Дай битву, Стюарт Вилли!

Да сгложет грусть и баба пусть
Не всхочет, Стюарт Вилли,
Того, кто – бя! - порой тебя
Порочит, Стюарт Вилли!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА ОКНЕ ТАВЕРНЫ

Пир Мудрости хорош для домоседа,
А Глупость веселится, где придётся.
Сулит мне Мудрость долгую беседу,
А Глупость мне с восторгом отдаётся!

ФРАГМЕНТ

Нас развела не свара волчья,
Не самолюбья вздорный пыл.
Меня он просто проклял молча
И молча сердце мне разбил.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВА ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ

Да прекратите, подлые ханжи,
Парады, фейерверки и витийства!
Не внемлет Бог молитву от души,
Когда в ней - благодарность
за убийства!

К***

Сэр,
Получил от вас я весть.
Неловко мне, ей-Богу,
Но правду выложу, как есть:
Я нынче выпил грогу.

В четверг прибуду, ваша честь,
Я к вашему порогу.
(Мне б только на телегу сесть
Иль в стремя вставить ногу!)

АЛЕКСАНДРУ КАННИНГЕМУ, писателю

О ты, божественный мой друг!
Мой стиль весьма торжествен,
Но если "Бог - любовь" - не звук,
То ты и сам - божествен!

Твой жар мне творческий знаком.
(Остыл ли, житель Аны?)
Иные тлеют угольком, -
В тебе кипят вулканы!

Уэдлок рек: "Не любят вновь
За гробовой чертою".
Но обессмертил ты любовь
Душевной добротою!

МОЛИТВА ПЕРЕД ВКУШЕНИЕМ МЯСНОГО

Внемли, всемилостивый Бог,
Голодному собранью
И ниспошли бараний бок
Иль голову баранью!
Аминь.

МОЛИТВА ПОСЛЕ ВКУШЕНИЯ МЯСНОГО

Ты создал нашу плоть, и кровь,
И чистый ключ, и поле.
Тебя мы славим вновь и вновь
В своей счастливой доле
И молим: свыше уготовь
И ниспошли оттоле
Святую дружбу и любовь,
И нам не нужно боле!

ЕЩЁ ОДНА МОЛИТВА ПОСЛЕ ВКУШЕНИЯ МЯСНОГО

Господь, щедры твои дары,
Но мы предел установили:
Ты убери их до поры,
Пока не пукнет Хизлоп Вилли.*

И ЕЩЁ ОДНА МОЛИТВА ПОСЛЕ ВКУШЕНИЯ МЯСНОГО

Всё - суета, томленье духа,
Но Бог всесилье подтвердит.,
Коль похудеет Мэг-толстуха
И Джок нам глухо пропердит.

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ ЭКСПРОМТОМ в ответ близкому другу Роберта Бернса, пригласившему поэта провести часок в таверне.

Служу усердно королю,
Но, ясного ясней,
Приду к тому, кого люблю,
А служба... А, чёрт с ней!

БУТЫЛКА

Бутылку ценю, как священную чашу:
Глоток пригублю - и печаль свою скрашу;
А радость мне кажется милою рыбкой:
Я пью и ловлю её с доброй улыбкой!

НА ХЛЫЩА-СКВЕРНОСЛОВА

Всю жизнь гремел он, что твоя гроза:
"Будь прокляты, - орал, - мои глаза!"
Он перед смертью выразился вновь,
Но вместо "глаз" поставил слово "кровь".

НА ЭНДРЮ ТЁРНЕРА

Нечистый вылепил свинью,
Потом критически свою
Работу он переиначил,
И что в итоге насвинячил,
То водрузил на пьедестал
И "Эндрю Тёрнером" назвал!

НА ДЖЕЙМСА ГРЕЙСИ, настоятеля собора в Дамфризе

Езжайте к нам в любой приход,
Вам двери все открыты.
Будь проклят тот, кто осмеёт
Ваш вес и габариты!

СТРОКИ,
написанные под портретом мисс Бернс

Оставьте подленький смешок!
За нею был один грешок,
Но назовите хоть одну,
За коей меньше было, - ну?

НА МИСС ДЖИННИ СКОТТ ИЗ ЭЙРА

Когда б издревле каждый скотт
Был храбрецом, как Джинни Скотт,
Тогда б издревле каждый бритт
Имел довольно бледный вид.

ЭПИГРАММА НА КАПИТАНА ФРЭНСИСА ГРОУЗА,
известного собирателя старины

Говорили, ты плох,
и, сочтя эту новость нелживой,
Сатана прилетел
за своею всегдашней поживой.
Но, увидев, насколько прогнулось
печальное ложе,

Приуныл Сатана и воскликнул:
"О, Господи Боже!
Я впервые встречаюсь
с таким замечательным весом.
Улетаю ни с чем:
этот вес не под силу и бесам!"

ЭПИГРАММА НА ЭЛЬФИНСТОНА, переводчика эпиграмм Марциала

О ты, кто Поэзии даром не нужен,
Кто не был вовеки и с Прозою дружен,
Ты слышишь ли стон, что несётся по свету?
То стон Марциала*: "Убийцу – к ответу!"

ОТВЕТ НА ПРИГЛАШЕНИЕ КАПИТАНА РИДДЕЛЛА

Мне с вами посидеть вдвоём
Приятнее, чем с королём
В карете мчать по свету.
Смущенья мне не побороть:
Вы так добры... Пусть вас Господь
Вознаградит за это!

ЭПИГРАММА НА СЕЛЬСКОГО ЛЭРДА

Молитву Богу возносить
Ты должен то и дело:
Бог обещает воскресить
Не только душу - тело.
Когда бы плотью пренебрёг
Создатель мирозданья,
И Он бы воскресить не смог
Бездушное созданье!

В ТОТ ДЕНЬ, когда лэрд Кардонесс показал нам свою усадьбу

Ты нам угодья показал.
Ты показал приемный зал.

Мы насладились от души...
А ты их, евнух, сторожи!

В ТОТ ДЕНЬ,
когда я увидел прекрасную усадьбу лорда Галлоуэя

Присмотревшись к вашему дворцу,
Понял я, что он вам не к лицу:
Воплощенье вашего ума -
Тесная и грязная тюрьма!

ЭПИГРАММА НА ЛОРДА ГАЛЛОУЭЯ

Какой вы Стюарт, чёрт возьми!
Те - были храбрыми людьми.

Бывали Стюарты глупцами,
Но не бывали подлецами!

ЛОРДУ ГАЛЛОУЭЮ,
пригрозившему испортить жизнь Роберту Бернсу за его эпиграммы

Не сулите мне свою вражду,
Ни к чему подобные щедроты.
А добра подавно я не жду, -
Разве вы способны на добро-то?

СТИХИ ДЛЯ ДЖОНА РЭНКИНА

Однажды Смерть с тоскою острой
Тащилась в ад с толпою пёстрой.
Пылали взоры всех страстей.
Блистали воры всех мастей, -
От тех, чье пышное дворянство
Дошло до пошлого поганства,
До тех, кто, рок изведав злой,
Влачился с висельной петлёй.
Удручена сим сбродом гнусным,
Смерть проворчала с видом грустным:
"Гляжу, гляжу, гляжу, - и что же?
Нет ни одной приличной рожи!
Найти б такую - и в момент
Облагорожен контингент!
А что, придумано нехило!"
И уроженцу Адамхилла
Она сказала слово "сгинь",
И Рэнкин сгинул. И - аминь!

ЭКСПРОМТ СВЕЖЕИСПЕЧЁННОГО АКЦИЗНОГО*

Заглядывать в чужие кадки, -
Как это мерзостно и гадко!

Как совершать мне сбор акцизов,
Венок поэта не унизив,

Где жёны, дети, встав у двери,
Слезой растрогают и зверя!

ЭПИГРАММА ПО ПОВОДУ МНЕНИЯ О ТОМ, что сами глаза преподобного Бэббингтона источают ложь

Уверен ты, что лгут его глаза?
С тобою согласиться мне нельзя:
Глаза его, твердя: "Хозяин - вор!",
Ни разу не солгали по сих пор...

О БЕДНОСТИ И ПОЛИТИКЕ

Не лезь в политику, дружище!
Она - для публики почище.

Забудь о ней, пока ты дышишь,
Забудь, что видишь ты и слышишь,

И благо слуха и очей
Оставь для клана богачей!

ЭПИТАФИЯ ВИЛЬЯМУ НИКОЛУ, преподавателю из Эдинбурга*

Вы, мухи, облепили мозг
И вы его сожрали в лоск,
Так пусть на сердце Вилли
Перелетает ваш собор:
На нём лукавый с давних пор
Развёл немало гнили!

ЭПИТАФИЯ СЕЛЬСКОМУ СКВАЙРУ, который был покорным мужем своей жены.

Адам был круглым дураком.
Был у жены под каблуком
Потомок столь же слабый.
Сей случай каждому знаком:
Где баба вертит мужиком,
Там черти вертят бабой!

ЭПИТАФИЯ МОЕМУ ОТЦУ

Почти слезой того, кто шёл, мой друг,
С начала до конца дорогой верной.
Здесь похоронен любящий супруг,
Родитель добрый, друг нелицемерный.

Он не боялся лорда самого,
Пороки презирал, и, Бог свидетель.
Простительные слабости его
Переходили плавно в добродетель.

ЭПИТАФИЯ ДЖОНУ ДАВУ по прозвищу Джонни-Голубок, содержателю постоялого двора в Мохлине

Кто вызнать потщился,
Кому ты молился,
Пусть вслед за тобой и отправится:
В живых-то, ей-Богу,
Не помню, чтоб Богу
Вознёс ты молитву иль здравицу.

Ты в пиве крестился,
Вином причастился,
Ты в роме обрел воскресение,
И благоговейно
В стакане портвейна
Ты душу омыл во спасение!

ЭПИТАФИЯ ДЖОНУ БУШБИ, писателю из Дамфриза.

Джон Бушби, честный человек,
Здесь упокоился навек.

Коль ты в себе уверен, Бес,
Возьми над Бушби перевес!

ЭПИТАФИЯ МОХЛИНСКОМУ ПРАЗДНОШАТАЙКЕ

Поплачьте, мужчины, о том, кто был другом
И вам, и особенно вашим супругам.

Пока вас носило по весям и градам,
Он был с ними вместе, он был с ними рядом.

Не мните здесь травку, весёлые дети:
Ведь если на дело всерьёз поглядети,

Сей муж, отошедший в иную обитель,
Наверно, и был ваш природный родитель!

ЭПИТАФИЯ НЕКОЕМУ ДЖЕНТЛЬМЕНУ ПО ПРОЗВИЩУ “МАРКИЗ”, пожелавшему, чтобы Роберт Бернс и для него сочинил что-нибудь посмертное

Он “Маркизом” назвался,
Но намедни скончался,
И ему уж не надобно глянцу.
Если он не уймётся
И обратно вернётся,
Оплеух надаём самозванцу!

ЭПИТАФИЯ УОЛТЕРУ РИДДЕЛЛУ

Уот, могила пресекла
Пути твои кривые,
Но не в восторге от тебя
И черви гробовые.
“Тут мяса, - проворчал один, -
Не больше, чем в капусте”.
“А в сердце - яд”, - шепнул другой
И стих в смертельной грусти.

ЭПИТАФИЯ ГАБРИЭЛЮ РИЧАРДСОНУ, ПИВОВАРУ

Скончался славный Габриэль,
И опустели бочки.
За то, что славный Габриэль
Не разводил водою эль,
Господь, ушедшему отсель
Воздай без проволочки!

ЭПИТАФИЯ ГЭВИНУ ГАМИЛЬТОНУ, ЭСКВАЙРУ

Один ханжа был только рад,
Что Гэвин не проснулся.
А я б за ним и в рай, и в ад
Пошел, не оглянулся!

ЭПИТАФИЯ РОБЕРТУ ЭЙКЕНУ, ЭСКВАЙРУ

У нас непоправимая беда:
Скончался Роберт Эйкен - и, поверьте,
К столь пламенному сердцу никогда
Еще не прикасался холод смерти!

ЭПИТАФИЯ НЕБЕЗЫЗВЕСТНОМУ ПРИХОДСКОМУ СТАРОСТЕ САПОЖНИКУ ХУДУ

Смерть прибрала беднягу Худа.
Он сторожил казну нехудо.

Пусть Сатана за скупердяйство
Его поставит на хозяйство!

ЭПИТАФИЯ КОРОТЫШКЕ ДЖОННИ

Hic jacet коротышка Джонни.*

Здесь Джонни покоится бренное тело.
Душа неизвестно куда улетела.

А может, ничто никуда не летало:
Души у него отродясь не бывало!

ЭПИТАФИЯ ПОЛЕМИСТУ-СКАНДАЛИСТУ

Ты, Смерть, ручаюсь головой.
Не ведаешь, дружище,
Какую суку ты впервой
Ведёшь в свое жилище!

ЭПИТАФИЯ ДЖЕЙМСУ ГРИВУ, ЛЭРДУ БОГХЕДА

Здесь Джеймс Грив погребён.
Всё надеется он,
Что спасён будет
ангельской ратью.
Если будет спасён,
Как надеется он,
Предпочту я спасенью проклятье!

ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ

МЭРИ МОРИСОН

О, Мэри, подойди к окну
В заветный час, желанный час!
Пошли улыбку хоть одну
Чудесных губ, чудесных глаз.
Я так устал, и все же в пляс
Пошёл бы, будь вознаграждён
За муки все на этот раз
Любовью Мэри Морисон!

Вчера на праздничном балу
Я вспомнил о тебе, мой друг.
Безмолвно я сидел в углу.
Был ярок зал, что вешний луг.
Цвели красавицы вокруг,
И всё ж я не был в них влюблён.
И я, вздохнув, промолвил вдруг:
"Нет, вы не Мэри Морисон!"

Я за тебя погибнуть рад.
Зачем же рушить мой покой?
Люблю и, значит, виноват?
Пусть слёзы катятся рекой?
Ах, пусть я не любим тобой,
Приди, явись, что краткий сон.
Жестокосердной быть такой
Не может Мэри Морисон!

ГОРЯНКА МЭРИ

Да будет чистою река,
Несущаяся мимо,
И пусть Монтгомери века
Стоит неколебимо!*
Я проведу весь летний день
В местах былой потери:
Когда-то здесь простился я
С моей Горянкой Мэри!

Боярышник благоухал;
Берёзы шелестели.
О, как я Мэри целовал
В тени, в лесной постели!
Часы, что ангелы, неслись,
И был я в полной мере
Всего себя готов отдать
Моей Горянке Мэри!

Мы целовались до утра.
В минуту расставанья
Мы тихо молвили: "Пора,
До скорого свиданья..."
Но смерть безвременно пришла
И распахнула двери,
И дёрн покрыл печальный холм
Моей Горянки Мэри!

Ах, губы столь бледны, бледны.
Что целовал я прежде!
И эти вежды холодны,
И места нет надежде!
И сердце тлеет под землёй,
Но, как отцовской вере,
Я верен ей, любви моей,
Моей Горянке Мэри!

СТИХИ О МЭРИ, КОТОРАЯ УШЛА НА НЕБЕСА

Уходит медленно звезда,
Встречая розовый рассвет,
Напоминая, как всегда,
О том, что Мэри больше нет.
Моя возлюбленная тень,
Ты знаешь ли в ином краю,
Что для меня померкнул день,
Что плач терзает грудь мою?

Ах, не забыл я нашу связь
И лес у Эйра не забыл!
С тобой на время расходясь,
Ещё я день тебя любил.
И даже Вечность не сотрёт
Того, что памятно душе.
Никто не ведал наперёд,
Что мы не встретимся уже!

Лишь Эйр, что бурно воды нёс,
Да лес густой по сторонам,
Да пара тоненьких берёз
Свидетелями были нам.
Дрозды расходовали пыл
Лишь для тебя и для меня.
Ах, слишком рано объявил
Закат об окончанье дня!

С годами вижу всё ясней
Тебя, угасшую навек.
С годами воды всё сильней,
Всё глубже роют русла рек.
Моя возлюбленная тень,
Ты знаешь ли в ином краю,
Что для меня померкнул день
И плач терзает грудь мою?

ГДЕ ПТИЧЬЯ ПЕСЕНКА СЛЫШНА...

Где птичья песенка слышна,
Где так прекрасен Дун,
Хожу одна, совсем одна,
Полна печальных дум.

Не пой, соловушка, не пой,
Хочу забыть о дне,
Когда дружок неверный мой
Ещё был верен мне.

И ты молчи, не пой при мне,
Подруга соловья.
Жила я долго в сладком сне,
Теперь проснулась я.

На Дуне пели соловьи,
И с ними заодно
Я тоже пела о любви
Совсем не так давно.

В саду я розу сорвала,
Дружок украл её.
Цветок - ему, а мне - игла,
Колючки остриё!

В саду я розу сорвала
В июне поутру.
Как роза, утром я цвела
И к полудню умру!

ВАС УОЛЛЕС ВЁЛ ВПЕРЁД...
Обращение Роберта Брюса к своим войскам перед битвой при Баннокберне*

Вас Уоллес вёл вперёд.
Вас веду я в свой черёд.
Впереди нас гибель ждёт
Или ждёт победа!

Битва жаркая близка:
Эдуардовы войска -
Наше горе и тоска
    Под ярмом соседа!

Кто здесь волю дал слезам?
Кто в могилу лезет сам?
Места этим чудесам
    Нету в нашем стане!

Кто готов сейчас и впредь
За свободу умереть,
Тех прошу я порадеть
    Здесь, на поле брани!

В рабстве наши сыновья!
В рабстве будем вы и я,
Если кровь свою, друзья,
    Пожалеем ныне!

Силы, братья, соберём!
Победим или умрём!
Отстоим и честь, и дом,
    И свои святыни!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО МАКФЕРСОНА*

Прощай, тюрьма! Мне в путь пора.
Ты не навек мне дадена.
Меня сегодня ждут с утра
Петля и перекладина.

Эй, с дудкою, с погудкою
Кружился молодец.
На виселицу жуткую
Он шёл, как под венец!

Я смерть в упор видал меж гор,
Видал её и в поле я,
И потому её приму
С усмешкой - и не более.

Сними мне, друг, оковы с рук,
Верни мне саблю острую,
Сумею, брат, отряд солдат
Разбить, противоборствуя!

Поверил в ложь и ни за грош
Нарвался на засаду я,
Но не смогу воздать врагу,
И страсть об том досадую!

В конце пути скажу - прости,
Любезное отечество!
Позор на вас, кто в смертный час
Не кажет молодечества!

ПРОЩАНИЕ
Посвящается братьям-масонам из ложи Св. Иакова в Тарболтоне*

Прощайте все, с кем связь моя
Была мистической, глубокой!
Прощайте, братья и друзья!
Гоним Фортуною жестокой
К разлуке скорой, недалёкой,
О вас, даривших радость мне,
Не раз в юдоли одинокой
Я вспомню в дальней стороне!

Как часто, свыше вдохновлён,
Вставал я с жаркими речами,
Собранье вёл, - и небосклон
Алел под утро за плечами.
Клянусь вам тайными лучами,
Лишь нам светившими извне,
Там, за горами, за долами,
Вас помнить в дальней стороне!

Пусть Зрак Всевидящий с небес,
Сей Архитектор Небосвода,

Пусть наш строительный отвес,
Любовь, гармония, свобода, -
Хранят союз наш от разброда,
А Храм - от трещины в стене.
Молиться стану год от года
За вас я в дальней стороне!

Ты, Ложа милая, прощай!
Твое названье - да святится!
Тобой гордится древний край,
Масонство древнее гордится.
С последней просьбой обратиться
К духовной хочется родне:
Пусть раз в году вино искрится
В честь Барда в дальней стороне!

ЛОРД КЕНМУР СБИРАЕТСЯ, ВИЛЛИ...

Лорд Кенмур сбирается, Вилли,
И в битву уходит - э-гей!
Нет лорда храбрее, чем Кенмур,
На весь наш на Галлоуэй.

Успеха бойцам его, Вилли!
Успеха ребятам его!
Им с Кенмуром вига не страшно,*
Не страшно в бою никого.

Здоровьичко Кенмура, Вилли!
За Кенмура пей да пляши!
В роду у них не было труса
И не было подлой души.

С ребятами Кенмура, Вилли,
Сразиться никто не моги:
Сердца и мечи их стальные
Разбитые знают враги.

Ребята иль выживут, Вилли,
Иль сгибнут со славой в борьбе,
Но скоро с великой победой
Лорд Кенмур вернётся к себе!

За тех, кто сражается, Вилли,
За лорда, за слуг его - пей!
И пей за цветок мой любимый,
За розу, что снега белей!

КАПИТАНСКАЯ ЛЕДИ

Встань и проводи
Мужа встречь победе.
Встань и проводи,
Будь Капитанской Леди!

Пушки бьют
Бьют барабаны грозно.

На мужнин труд
Гляди, жена, бесслёзно.

Нам бы разбить
Злого супостата.
Будем жён любить
С восхода до заката.

Встань и проводи
Мужа встречь победе.
Встань и проводи,
Будь Капитанской Леди!

ЛЮБЛЮ Я ПИВО, ДОБРЫЙ ЭЛЬ...

Люблю я пиво, добрый эль.
Чулки продать велит мне хмель
И башмаки продать велит:
Мне пиво сердце веселит.

Полдюжины своих быков
Пустил я давеча с торгов.
Об этом сердце не болит:
Мне пиво сердце веселит.

От пива лезу на лежанку,
С лежанкой путая служанку,
Но страсть лишь пиво утолит:
Мне пиво сердце веселит!

НЕ СОЗДАН Я БЫЛ ДЛЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ БИТВЫ...

Не создан я был для парламентской битвы,
Служения Богу и жаркой молитвы.
Претит мне купчина, мошенник завзятый, -
Пленён и навеки бутылкой пузатой!

Вовек не завидовал доле дворянской,
Вовек не чурался судьбины крестьянской.
Люблю я пирушки до ночи глубокой
Да шашни с бутылкой моей крутобокой.

Помещик коня погоняет сердито:
В уме лишь проценты, долги да кредиты.
А я о делах вспоминаю с ухмылкой
При каждом знакомстве с пузатой бутылкой.

Скончалась моя дорогая супруга,
Нашёл было в церкви я первого друга,
Но вовремя вспомнил слова Соломона:
"Бутылка нас лечит со времени она!"

Однажды мошною рискнул я с размахом.
Моя авантюра закончилась крахом.
Приятель не стал утешать меня пылко,
А молча принёс и поставил бутылку.

"В заботах ищите себе утешенье!" -
Внушал нам поэт, и я верю внушенью,

Поскольку давно за собой замечаю,
Что хлопоты жизни бутылкой венчаю.

(Строки, дописанные в масонской ложе.)

Да здравствует наша масонская ложа,
И циркуль её, и квадрат её - тоже,
А также бутылки священное пузо,
С которым забудешь любые обузы!

ПЛАЧУ ТЕБЕ, ХОЗЯЙКА!

Приходит ночь, уходит свет.
Зажжем ли свечку? Нет и нет!
Как солнце светит нам оно,
Багрово-красное вино.

Плачу тебе, хозяйка, хозяйка, хозяйка,
Плачу тебе, хозяйка, а ты еще налей!

Поддержит барина слуга,
А бедняка - его нога.
Из нас тут всякий прям и твёрд:
Кто пьян, тот сам себе и лорд.

Святая чаша - мой стакан:
Я в нём лечу любой изъян.
А удовольствие - форель:
Ловлю его, допив свой эль!

ХОЗЯЙКА, СЧЁТ СКОРЕЙ НЕСИ...

Хозяйка, счёт скорей неси:
Взыграла зорька в небеси.
Всех мутит, Господи спаси,
Держусь один лишь я.
Эй, тутти-тайти,
Ай, тутти-тайти -
Кто нынче пьян, друзья?

И если все лежмя лежат,
И если все лежмя лежат,
Я за себя и за ребят
Спою - мне чёрт не брат!

Будь счастлив ты, и счастлив я,
И вся шотландская земля!
Храни нам, Боже, короля
И грешных нас храни!
Эй, тутти-тайти,
Ай, тутти-тайти -
Кто нынче пьян, друзья?

ОЙ, С ДЕВКОЮ СОЙДЁШЬСЯ...

Ой, с девкою сойдёшься,
Ой, будет худо, друже:
Ой, бед не оберёшься,
Ой, парень сядешь в лужу!

Моря и океаны
Вдали и у причала -
Обманны, окаянны:
В них - бабское начало.

Остаться дурачиной
И всё ж таки мужчиной
Считаться беспричинно
Не сутью, а личиной?

Ой, лучше с другом верным
Бутылок выпей войско
И, честь отдав тавернам,
В постель шагай геройски!

ДАМФРИЗСКИЕ ВОЛОНТЕРЫ*

Француз идёт на нас войной?
Ну что ж, проучим вора!
На море флот стоит стеной,
На суше - волонтёры.
Скорей взойдёт у нас трава
Среди зимы, ребята,
Чем на родные острова
Мы пустим супостата!

Начни собачиться народ
В такую злую пору,
Француз подавит буйный сброд,

Как бешеную свору.
Единство нации - урок,
Преподанный веками.
Давайте ж свой лечить порок
Своими же руками!

Порой бывают нелады
У церкви с государством,
Но враг до свары, до вражды
Доводит их с коварством.
Союз, в котором кровь отцов,
Не предадим с позором.
Живыми сварим хитрых псов,
Когда завоют хором!

Кто раб тирана, тот подлец.
Подлец и тот философ,
Что топчет царственный венец
С толпой людских отбросов.
Пой "Боже, короля храни!"
Не хочешь? Смерть уроду!
Пой "Боже, короля храни!"
Но честь воздай - народу!

БЕЗ ДЖЕМИ В ШОТЛАНДИЮ МИР НЕ ПРИДЁТ!..

Печален закат и печален дворец,
Где песню поёт седовласый певец.

Сквозь горькие слёзы он песню поёт:
"Без Джеми в Шотландию мир не придёт!

Порушена церковь, порушен закон.
Позорные войны, тяжёлый урон.
Молчит, но обидчиков знает народ, -
Без Джеми в Шотландию мир не придёт!

И семь сыновей моих пали в бою,
За Джеми, за родину пали свою.
Супругу мою эта новость убьёт, -
Без Джеми в Шотландию мир не придёт!

Потери сгибают меня до земли:
Сыны мои - в прахе, корона - в пыли.
Но истина в сердце моем не умрёт:
Без Джеми в Шотландию мир не придёт!"

БЛЕСТЯЩИЙ ВЕК УВЯЛ, ПОБЛЕК...*

Блестящий век увял, поблек,
И нет его в помине.
Забудь, Шотландия, навек
Своё названье ныне.
Всему, что к северу лежит
От Сарка и от Твида,
Быть захолустьем надлежит.
(Будь он проклят, предатель и гнида!)

Где не смогли сломить бойцов
Ни битвы, ни обманы,
Там златом кучке подлецов
Наполнили карманы.
Не сталь английская страшна,
Не грозная планида,
Страшна английская мошна.
(Будь он проклят, предатель и гнида!)

Житью-бытью в одном краю
С предателем и трусом
Я предпочёл бы смерть в строю
С Уоллесом и Брюсом.
Пока дышу, одно твержу:
Меня гнетёт обида, -
Купить-продать сумел нас тать.
(Будь он проклят, предатель и гнида!)

ЛЕНИВЫЙ ТУМАН

Ленивый туман над холмами навис,
Скрывая потоки, бегущие вниз.
Природа вокруг ни жива ни мертва:
Здесь Осень Зиме уступает права.
Здесь Лето шумело, пестря щегольски,
А ныне здесь мир умирает с тоски.
Брожу, одинок, и кляну, одинок,
Летящее Время, безжалостный Рок.

Как долго я жил - и в какой суетне,
А жизни так мало осталось на дне!
Здесь Время - здоровья разлад и развал,
Здесь Рок мне желанья в груди оборвал.
Не глупо ли с боем к вершине идти?
Не глупо ль страдать на обратном пути?
Останешься нищим с богатством земным.
Пленяйся же, смертный, богатством иным!

ШЕРАМУРСКОЕ СРАЖЕНИЕ между герцогом Аргайлом и графом Маром.*

- Наклал в штаны, бежишь с войны?
    Почто явился хмур, брат?
Решил со мной овец пасти?
    Ты видел Шерамур, брат?
- Ой видел-видел! Страх какой!
Кровища там лилась рекой!
(Доныне в сердце не покой!)
Там с трёх сторон в единый стан
За кланом клан пришёл с полян
    И с горных верхотур, брат!

У их врагов мундир багров,
    Кокарда их черна, брат.*
И в глаз, и в бровь, и морды в кровь, -
    Убитых до хрена, брат!

Аргайл, их старший, вёл полки.
Валили Горцев мужики,
Как будто Горцы - чурбаки.
И в нюх, и в пах, и в пух, и в прах,
И в тлен, и в плен, - великий страх! -
    Война и есть война, брат!

Но виг-то - что ж? Мужик он тож,
    Хотя на нём и юбка, брат.
Она пестра, да сталь остра;
    Была лихая рубка, брат!
На красный двинул голубой,*
И вышел бой у них с пальбой.
Погнали Горцы пред собой
Противников, что голубей.
(Вражину бей - уразумей,
    Кто коршун, кто голубка, брат!).

- Однако с севера войска
    Пришли - какого чёрта, брат?
Кавалеристов видел сам:
    Погнали их до Форта, брат.
Их гнали в гриву, гнали в хвост.
Они в Дамблейне взяли мост,
Чтоб в Стерлинге до первых звёзд
Укрыться - но хватил их, брат,
Удар у Стерлинговых врат:
    Там было неотпёрто, брат!

- Сестрица сказывала мне
Об ихней, значит, банде, брат,
Что все неслись, не чуя ног,
Из Перта, значит, в Данди, брат.
На левом фланге - дураки,
На правом - вражьи тумаки
Им показались столь крепки
И столь овсянка дорога,
Что все рванули от врага
Домой как по команде, брат!

Сколь Горцев пало в том бою,
О коем мы судачим, брат!
Ох, Шерамур! Коль наш Пенмур
Погиб - о нём поплачем, брат!
Погибнул трус, погибнул хват,
И кто там прав? Кто виноват?
"Прости!" - сказали жизни, брат.
Печально вслед гремит мушкет.
И виги - чушь, и тори - бред:
Покинут свет - и все на нет
Сойдут к чертям собачьим, брат!

ЖИЛ-БЫЛ В КЕЛЛИБЕРНЕ ОДИН МУЖИЧОК...

Жил-был в Келлиберне один мужичок.
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)

Супружницу, злыдню, терпел он как мог.
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

Однажды предстал перед ним Сатана.
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Спросил Сатана: "Как дела, старина?"
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

"Неплохи дела, да заела жена.
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Ты ангел в сравнении с ней, Сатана!"
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

"К скотинке твоей не притронусь я впредь.
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Дозволь мне за это жену поиметь!"
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

"Бери да имей, но в виду поимей:
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Забудешь, как звать, и на ней, и под ней.
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

Сграбастал каргу Предводитель Чертей
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
И двинулся в пекло с добычей своей.
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

Вернулся домой и свалил свою кладь.
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)

“Шагай в преисподнюю, так твою мать!”
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

И хлопнул в ладоши без долгих затей,
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
И стража явилась - полсотни Чертей.
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

Но старая злыдня Чертей - кулаком!
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Попадали Черти, что кегли, кругом.
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

“Хозяин, уйми ее! - Черти пищат, -
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Ты слышишь, как рёбрышки наши трещат!”
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

Вскричал Сатана: “Сокрушительный нрав!
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Клянусь кочергой, мужичок-то был прав!”
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

Вскричал Сатана: “Хорошо, ей-же-ей
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Что я не в мужьях, а геенне своей!”
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

И бабу - в мешок да назад поволок:
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)

"Примай свою злыдню, назад, мужичок!"
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

"Сызмальства в геенне служу я, поверь,
(Эй, рута с тимьяном ведут хоровод!)
Но жарко мне стало, слышь, только теперь!"
(Тимьян увядает, а рута цветёт!)

ПРАЗДНИК НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

Святой Стефан, Святой Стефан, -
Высокая палата.
Святой Стефан, Святой Стефан, -
Кого пошлём, ребята?
Пошлём ли воина от нас?
Пошлём ли адвоката?
Кого пошлём на этот раз,
Какого депутата?

Кого подкупят богачи?
То будет лорд иль лэрд, брат?
Какую карту ни мечи,
Всё выпадает - Гленкэрд, брат.
Вина подай да поболтай
О спорте о погоде.
Аннбэнк пикник для женщин вмиг
Устроит на природе.

Любовь, Краса уж два часа
Скрываются в беседке.
Вокруг - цветы, в душе - мечты,

Дрозды поют на ветке.
Возьмите-ка политика
При всем честном народе
И - чмок-чмок-чмок! - чтоб изнемог,
Целуясь на природе!

Я вижу Радости полёт.
Под ней - село и град, брат,
Холмы, ручьи, река и брод,
Ей нет нигде преград, брат.
И духов леса и воды
Зовёт она на сходе
Туда, где Эйра берега,
Где праздник на природе!

Гляди: Борей* со всей своей
Командой укрощён, брат.
Взошла луна, взошла, полна,
На звёздный небосклон, брат.
Ах, серебром и водоём,
И дом наполнен, вроде,
И ветерок, видать, привлёк
Сей праздник на природе.

Вот бриллиант, а вот опал.
Шелка ласкают взор, брат.
Гармония здесь правит бал,
Она здесь дирижёр, брат.
В краю лесном, в раю земном
Здесь праздник в том же роде,

Что сам Адам своей Мадам
Устроил на природе.

Политикан среди полян
Задумал речь сказать, брат,
Но в тайный круг попал - и вдруг
Двух слов не смог связать, брат.
И от души проклятье лжи
И всей своей породе
Он произнёс - и лепту внёс
В сей праздник на природе!

ВИДЕНИЕ

Без крыши башня, дом без крова
С жёлтофиолью в глубине.
Летели филины и совы
С полночной жалобой к луне.

И ветер стих, объятый мраком,
И звёзды чиркали впотьмах,
И лис кричал за буераком,
Кричало эхо на холмах.

Здесь мимо замка с горной кручи
Неслась проворная река.
Она неслась в поток могучий,
Что ей ревел издалека.

И север шёл дорогой лунной,
С волшебным светом поспеша.
Казалось, он сулил с фортуной
Всё то, что жаждала душа.

Взглянув на небо, еле-еле
Я подавил животный страх:
Шагал в обличье менестреля
Огромный призрак в облаках!

И так он глянул с небосвода,
Что камень дрогнет. Вдалеке
Святой девиз его - "Свобода"
Я прочитал на колпаке.

И то, что он пропел, тоскуя,
И мёртвый слышал, как живой.
Ах, песню скорбную такую
Британцы слышали впервой!

Он пел о прошлом в светлом гимне,
Он, плача, пел о наших днях,
И что он молвил, то, увы, мне
Не передать в моих стихах...

ДУРЕНЬ, ДУРЕНЬ, ЧТО ВОРЧИШЬ?..

"Дурень, дурень, что ворчишь?
Ну-ка цыц, паскуда!
Не раба тебе я, слышь,
А жена покуда!"

"Ты жена мне, муж я твой,
Нэнси, Нэнси!
Так кому в семье главой
Быть прикажешь, Нэнси?"

"Ежель ты мне - господин,
Муженёк любезный,
Так живи себе один.
Прощевай, болезный!"

"Одиночества боюсь,
Нэнси, Нэнси,
Но уж, верно, перебьюсь,
Как сумею, Нэнси!"

"А случись со мной беда,
Кончусь от кручины,
Сам не сгинешь ли тогда
После той кончины?"

"Я молитву прошепчу,
Нэнси, Нэнси.

Я молитвой залечу
Это горе, Нэнси!"

"Поселюсь в ином краю,
Не уснёшь ни разу:
Привиденьями набью
Спальню до отказу!"

"На такой, как ты, женюсь,
Нэнси, Нэнси,
И со страху адский гнус
Разлетится, Нэнси!"

НЭНСИ, НЭНСИ, ВЕСЬ Я ТВОЙ...

Нэнси, Нэнси, весь я твой,
Полон страсти пылкой
Каждой стрункою души,
Сердца каждой жилкой.

Положу тебе на грудь
Сердце в миг печали,
Чтобы горести его
Впредь не отмечали.

Безмятежный милый взор -
Пострашней ненастья:
Отвернись - не то и впрямь
Я умру от счастья!

Годы жизни без любви -
Ночи без рассвета.
Пусть же светится любовь,
Словно солнце лета!

ЖАЛОБА МАТЕРИ, ПОТЕРЯВШЕЙ СЫНА

Задумал рок - летит стрела -
И сына больше нет!
И жизнь мне больше немила,
Немил мне белый свет.

Так нежный тоненький побег
От грубых гибнет рук,
Так самый близкий человек
Погиб внезапно, вдруг!

И коноплянка вне себя
От гибели птенца,
И я, горюя и скорбя
Рыдаю без конца.

Была мне смерть страшней огня,
А нынче от души
Прошу её: убей меня
И с сыном положи!

СТИХИ,
написанные по случаю отъезда мисс Лесли Бейли в Англию

Отправитесь вы вскоре
Далёко, за границу.
Она, как Александру,
Вам низко поклонится*.

Увидеть вас - влюбиться,
Влюбиться - покориться.
Вы у Природы лишь одна,
И вам не повториться!

Мы служим юной Лесли
Без всяких "но" и "если",
Хотя богиня Лесли
Сидит в обычном кресле.

Сам чёрт пускай хлопочет
И делает что хочет:
Такой небесной красоты
Никто не опорочит!

Вам Небо - оборона
От всякого урона.
Не тронет буря деревцо,
Ни ствол его, ни крону.

Скорей вернитесь, Лесли,
Чтоб гимны вновь воскресли
О той, которой краше нет,
О той, чьё имя - Лесли!

МОЛИТВА О МЭРИ

И пока я на чужбине
По тропе иду кремнистой,
Под свою защиту Мэри
Ты возьми, мой ангел чистый.
Ты о ней, о беспорочной,
Позаботься, ангел милый,
Душу родственную в Мэри
Ты почувствуй, среброкрылый!

Грудь нежна её - и ветром
Грудь овей ей столь же нежно.
Пусть живёт и дышит Мэри
Мирно, тихо, безмятежно.
И пока в краю блуждаю
Мрачном, чуждом, незнакомом,
Грудь её моим желаньям
Да пребудет светлым домом!

ДОЛОЙ ЗАМОРОЧКИ...

Долой заморочки,
Любовные строчки,
На кои потрачены бочки чернил!
Насквозь они лживы,
Приманки, наживы,
Что живо использует Роберт Моссгил!*

Том Джонс* вам по нраву
И Грандисон,* право,
Вам, женщины славные, дорог и мил.
Они вас дурманят,
Мозги вам туманят,
А пользу имеет лишь Роберт Моссгил!

Внимаючи сказке,
Занятной побаске,
Глядите в опаске на резвость и пыл,
С какими вас дурит,
Когда балагурит,
Хитрец по призванию Роберт Моссгил!

Уж он-то, зараза,
Опаснее сглаза.
Смекнёте не сразу, чем он покорил.
Не делал, зараза,
Осечки ни разу;
Нет хуже пролаза, чем Роберт Моссгил!

СВЕТЛЫЙ МАЙ, ПРИДИ С ЛЮБОВЬЮ...

Светлый май, приди с любовью,
Царствуй в сердце на здоровье.
Пусть оно вам полной мерой
Служит правдою и верой.

Не тому воздай, кто знатен,
А тому, кто мил, приятен,
Кто пленяет не казною -
Добротой непоказною!

В ЧИСТОМ ПОЛЕ СНЕГА НЕТУ...

В чистом поле снега нету;
Наконец, настало лето,
Птичьи песни оглашают край родной.
Лишь одна не весела я:
Одолела дума злая,
Оттого, что нету милого со мной.

Слышу пенье коноплянки,
Пчёл гуденье на полянке,
Ручеёк журчит, лукавый, озорной.
Благодать везде и всюду.
Я лишь горя не избуду,
Оттого, что нету милого со мной!

НА БЕРЕГАХ РЕКИ НИТ

Как, Нит, любила погулять
Я близ тебя не так давно;
И пусть мне нынче свет немил,
Тебя люблю я всё равно!

Волнуют эти берега:
Здесь был со мной наедине,
Кто сердце погубил моё,
Кто и доныне дорог мне!

ПОЛЛИ СТЮАРТ

Прелестней, Стюарт Полли,
Чудесней, Стюарт Полли,
Чем ты, мой свет, и майский цвет
Не расцветает в поле!

Иной цветок увял, поблёк
И не воскреснет боле,
Но ты, душа, всегда свежа,
Ах, Полли, Стюарт Полли!

И кто с тобой един судьбой
И в радости, и в боли,
Пускай с тобой он рай земной
Познает, Стюарт Полли!

ЩИПНУЛ ГУСАК ПАПАШУ

Король кусак, щипнул гусак,
Щипнул гусак папашу,
И тот иссяк: ни так, ни сяк
Не щиплет он мамашу.
Мамаша - в визг: "У, василиск!
С твоей несчастной мочью
Семь долгих лет как толку нет,
Ну нет - ни днём, ни ночью!"

"Ты, волчья сыть, - а ну-ка цыть! -
Всегда врала неслабо,
Но нынче врёшь ты так, что в дрожь
Меня бросает, баба!
И день, и ночь, бывало, вмочь
Тебе попрыгать ловко,
Но кончен прыг - поник мужик,
Опущена головка!"

ПЛЫВЕМ К ПРИНЦУ ЧАРЛИ

Греби, весло, врагам назло,
Греби - мороз ли, жар ли.
Скорей бы Росс меня довёз,
Довёз меня до Чарли!

Сберёмся все во всей красе,
Сберёмся - млад ли, стар ли.

Греби, весло, врагам назло,
Греби туда, где Чарли!

Враги на Чарли точат зуб.
На Чарли - не кошмар ли?
Но Сатана отправил в суп
Того, кто против Чарли!

Клянусь и солнцем, и луной:
Имей я жизней тыщи,
За Чарли все бы до одной
Отдал бы я, дружише!

Сберёмся все во всей красе,
Сберёмся - млад ли, стар ли.
Греби, весло, врагам назло,
Греби туда, где Чарли!

ПОРТНЯЖКА НАПЁРСТОК В ПОСТЕЛЬ ОБРОНИЛ...

Портняжка напёрсток в постель обронил,
Портняжка напёрсток в постель обронил;
(Портняжка постели разгляд учинил).
Портняжка напёрсток в постель обронил.

Девчонка спала и беды не ждала,
Девчонка спала и беды не ждала;
(Погода в ту пору холодной была).
Девчонка спала и беды не ждала.

Монетку ещё мне накинь, паренёк,
Монетку ещё мне накинь, паренёк;
(Ох, долгая ночка, короткий денёк!)
Серебряный пенни придётся мне впрок.

Сударке, что нынче не спится одной,
Сударке, что нынче не спится одной,
Приятственно в час раскумекать ночной,
Что в горницу давешний лезет портной!

ЭППИ АДЭР

Судьбы моей, Эппи,
Столбы её, Эппи,
И все её крепи -
Ты, Эппи Адэр.
И где я ни буду,
Везде и повсюду
Всё верен я буду
Лишь Эппи Адэр!

Судьбы моей, Эппи,
Столбы её, Эппи;
И все её крепи -
Ты, Эппи Адэр.
Пусть проклят я буду,
Когда позабуду
Тебя, моё чудо,
О, Эппи Адэр!

Я ПОМНЮ КАЖДЫЙ ДЕНЬ И ЧАС...

Я помню каждый день и час,
Что провели мы с милой.
Теперь, за тридевять земель,
Живу один, унылый.

Как долог нынче каждый час,
Печальный и постылый,
Но как он быстро пролетал,
Когда мы были с милой!

БЕДА ОДОЛЕЛА - ВЕЛИКАЯ, ЗЛАЯ...

Беда одолела - великая, злая.
Счастливой, влюблённой - давно не была я.
Никто меня в мире не ждёт, не жалеет,
Одна лишь печаль меня в жизни лелеет.

Любила я прежде, любила глубоко.
Страдала я прежде, страдала жестоко.
И ныне сердечко в груди кровоточит,
И чую, что жить оно больше не хочет.

Ах, быть бы, как прежде,
счастливой, влюблённой,
Бродить у ручья по лужайке зелёной,
Где милый-желанный помог бы мне вскоре
Размыкать мое неизбывное горе!

ХЛОРИС БОЛЕЮЩЕЙ

Ни в ночь, ни поутру
Не ведаю покоя:
Мой ангел вся в жару -
Вот горе-то какое!

Какой уж тут покой!
Все мысли в беспорядке,
Покуда ангел мой
В болезненном припадке.

Надежд не подаёт
Здоровье подопечной.
Боюсь, на миг уснёт
И не проснется вечно.

О небо! Видит Бог,
Без Хлорис не житьё мне.
Возьми меня в залог,
Но сохрани её мне!

КАПИТАН ГРОУЗ

Жив ли? Умер? Так? Не так ли?
Иго и аго.
Кто с ним рядом? Друг ли? Враг ли?
Ирам, корам, даго.

Север? Юг? Куда он двинул?
Иго и аго.
Может, в бурном Ферте сгинул?
Ирам, корам, даго.

Может, в пору голодухи,
Иго и аго,
Сгинул он у Горца в брюхе?
Ирам, корам, даго.

Аврааму задал жару?
Иго и аго.
Подержал за попку Сарру?
Ирам, корам, даго.

Будь, Господь, ему подмогой!
Иго и аго.
Ты же, бес, его не трогай!
Ирам, корам, даго.

Кто с письмом его разыщет,
Иго и аго,
Тот с меня должок и взыщет!
Ирам, корам, даго.

Сохраните каменюки,
Иго и аго,
Что Адам ворочал в муке.
Ирам, корам, даго.

ХЛОРИС БОЛЕЮЩЕЙ

Ни в ночь, ни поутру
Не ведаю покоя:
Мой ангел вся в жару -
Вот горе-то какое!

Какой уж тут покой!
Все мысли в беспорядке,
Покуда ангел мой
В болезненном припадке.

Надежд не подаёт
Здоровье подопечной.
Боюсь, на миг уснёт
И не проснется вечно.

О небо! Видит Бог,
Без Хлорис не житьё мне.
Возьми меня в залог,
Но сохрани её мне!

КАПИТАН ГРОУЗ

Жив ли? Умер? Так? Не так ли?
Иго и аго.
Кто с ним рядом? Друг ли? Враг ли?
Ирам, корам, даго.

Север? Юг? Куда он двинул?
Иго и аго.
Может, в бурном Ферте сгинул?
Ирам, корам, даго.

Может, в пору голодухи,
Иго и аго,
Сгинул он у Горца в брюхе?
Ирам, корам, даго.

Аврааму задал жару?
Иго и аго.
Подержал за попку Сарру?
Ирам, корам, даго.

Будь, Господь, ему подмогой!
Иго и аго.
Ты же, бес, его не трогай!
Ирам, корам, даго.

Кто с письмом его разыщет,
Иго и аго,
Тот с меня должок и взыщет!
Ирам, корам, даго.

Сохраните каменюки,
Иго и аго,
Что Адам ворочал в муке.
Ирам, корам, даго.

Сатана приходит к власти.
Иго и аго.
Сыплет злато нам на счастье!
Ирам, корам, даго.

ЖЕНА ВИЛЛИ

На Твид-реке, на бережке,
В местечке Линкумдодди
Жил Вилли-ткач, - хоть не богач,
Зато не нищий, вроде.
Зато жена - черна, страшна,
И нрав у бабы вредный.
(Не дам за ту за сволоту
И пуговицы медной!)

Где парой глаз глядят на нас
Козёл, баран и утка,
Всего одним - ужасно злым! -
Глядела страхолюдка.
Затеяв бой, по-над губой
Взметала ус победный.
(Не дам за ту за дурноту
И пуговицы медной!)

Одна нога, что кочерга,
Другая - покороче.
Неслась карга, тряслась карга
Из всей каргинской мочи.

Фасад горбат, и зад горбат
У бабы непоседной.
(Не дам за ту за срамоту
И пуговицы медной!)

Взглянула раз в недобрый час
В прозрачный Логан-ватер,
И грязь одна пошла со дна,
И помутнел фарватер.
И говорю, и повторю
Я в адрес бабы вредной:
Не дам за ту за грязноту
И пуговицы медной!

КРАСИВ, ДА, ОДНАКО, - БОЛЬШОЙ ЗАДАВАКА...

Красив, да, однако - большой задавака;
Из наших девиц ни в одну не влюблён.
И парень он бравый, и волос кудрявый,
И всё ж ни к одной не прилепится он.
Красуется в новом во всём васильковом,
Чулки голубые - последний фасон,
А белой рубашкой, серебряной пряжкой
Везде и повсюду прославился он!

Охоч наш красавец до пышных красавиц,
Да чтобы в заначке там был миллион.
Но всё же заначке и девке-богачке

Скорее отдаст предпочтение он.
У Мэри, к примеру, богатства не в меру,
У Сьюзи папаша - помещик, барон.
Ах, с Мэри иль Сьюзи быть можно в союзе -
Но только в себя он взаправду влюблён!

МОЯ ОВЕЧКА

Со всех сторон велик урон,
Обидный, небывалый:
С подругою расстался я,
С овечкой годовалой!

Любили в поле по ночам
Мы посидеть у речки.
Любил я слушать водопад
В компании овечки.

Когда в дубраве нетопырь
Кричал на всю округу,
Боялся я не за себя,
А за свою подругу.

Туман, видать, что полз, как тать,
Принес беду такую:
Бродячий пёс, видать, унёс
Подружку дорогую!

ПЛАЧ О КУЛЛОДЕНЕ*

Всё не поднимет головы,
Всё не смягчит суровый взор,
И только тяжкое "Увы!"
Она твердит, как приговор.

"Куллоден - горестный конец.
Куллоден - все надежды в дым.
Куллоден - в битве пал отец.
Куллоден - братья пали с ним.

Зелёный холм - надгробье их -
Слезой солёной окроплю.
Здесь мой покоится жених.
Его доныне я люблю!

Проклятый Камберленд! Взгляни:
Сироты, вдовы - без числа.
Отмщенья, герцог, ждут они,
Тебе не сделавшие зла!"

ОТКУДА ПРЁШЬ, ХОРОШ-ПРИГОЖ?..

- Откуда прёшь, хорош-пригож?
Ты весел, да не с пьянки!
Откуда прёшь, хорош-пригож?
Видать, что с Килликранки!*

И ты бывал, как я бывал,
В горах, не на полянке,
И ты бивал, как я бивал,
Врагов при Килликранки!

- Врагам я раны наносил,
Не лёгонькие ранки,
Их с Данди бил что было сил
В бою при Килликранки.
Питкур дрожал, Клаверс бежал
С кровавой той гулянки
И Атоль страсть зауважал
Меня при Килликранки!

НА КУПЕР- ХИЛЛ Я ВОСХОДИЛ...

На Купер-хилл я восходил
И повстречался с нею.
Свидетель Бог, на свете ног
Я не видал стройнее!
И пастор Джон был поражён.
"Какая краля!" - втуне
С тоской какой-то воровской
Он лил святые слюни...

ПАШИ УСЕРДНО, НЕ СПЕША...

Паши усердно, не спеша,
Ни в чём не откажу я.
Чем я тебе нехороша,
Ума не приложу я.

Дала я пенни мужику
За шашни с этой пашней,
Но был ему невмоготу
Мужицкий труд всегдашний.

Пройдись, мой милый, по стерне
И стань сердечным другом.
К чему безрукий лодырь мне
С никчёмным, зряшным плугом?

ОВСЯНКИ ДАЙ ДА МАСЛИЦА...

Овсянки дай да маслица
Для моего сударика:
Нет слаще полюбовника
От Кайла и до Каррика.
Дай жаворонку травушки,
И дай мне ночку звёздную,
И дай того сударика,
И дай любовь бесслёзную!

С ДЖЕННИ МАККРО МЫ ОТПРАВИЛИСЬ В РИГУ...

С Дженни Маккро мы отправились в ригу.
Вместе вошли мы в союзную лигу.

С Дженни Маккро мы отправились в чащу,
Там заключив ковенант настоящий.

Сердцем и разумом плачено даме...
Тешится Дьявол по полной программе!

КАК РАЗ ПОД ПРАЗДНИК ВСЕХ СВЯТЫХ...

Как раз под Праздник Всех Святых
Скрутили свадьбу эту.
Летели пьяницы к вину,
Как будто мошки к свету.
Невеста с кумушками прочь
Пошла из залы душной,
И следом в спаленку жених
Поплёлся простодушный.

ПРИШЁЛ ИЗ ФАЙФА МУЗЫКАНТ...

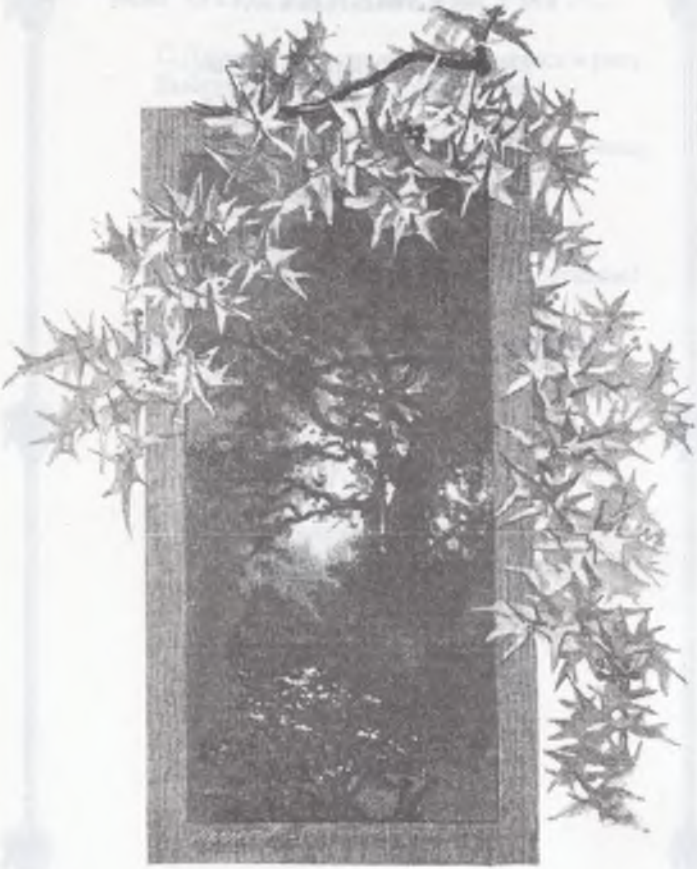
Пришёл из Файфа музыкант,
Пришёл, и дунул в дудку,
И в тот же миг в кузину Кэт
Влюбился не на шутку.
Чем больше он просил, влюблён,
И колдовал на дудке,
Тем строже "Нет!" - звучал ответ:
Мол, дудки, парень, дудки!

К ЧЁРТУ ОХИ, К ЧЁРТУ АХИ...

К чёрту охи, к чёрту ахи,
Цыц, проклятые невежды!
Сколь напрасны ваши страхи,
Столь несбыточны надежды!

ПРОЩАЙ!

Прощай! Судьбе да будет любо
Добра тебе послать сугубо.
Пускай Беда, что точит зубы,
Лишь облизнётся,
А Чёрт, лягнуть надумав грубо,
Ах! - поскользнётся!



КОММЕНТАРИИ

Стр. 7 Тэм О'Шентер. - *Сулила Дуновы пучины…-Дун* - река на юго-западе Шотландии в области Эйр (Эйршир).

Стр. 9 *Которых, бают, нету злее, / Чем в церкви, слышь, Аллоуэя! - Аллоуэй* - деревушка на северном берегу р. Дун, где 25 января 1759 г. родился Р. Бернс. Дом, в котором проживало семейство Бернсов, стоял рядом с местной церковью. Ко времени рождения Бернса церковь была заброшена, но по-прежнему пользовалась известностью, потому что с ней было связано множество слухов и легенд о призраках, ведьмах и прочей нечисти.

Стр. 10 *Старый Ник* - фамильярное прозвище Сатаны, владыки ада.

Стр. 12 *Каррик* - так во времена Р. Бернса называли часть Эйршира к югу от р. Дун.

Стр. 13 *Но на мосту не дёрнись ныне / Хвостом на первой половине!* - Р. Бернс писал по этому поводу: "Всем известно, что ведьмы и вообще всякие недобрые духи могут преследовать несчастного не далее середины ближайшего потока. Уместно также напомнить, что ежели какому путнику, застигнутому ночью в дороге, внезапно встречаются *привидения*, то сколь ни опасно ему идти далее вперёд, гораздо опаснее - двинуть на попятную".

Стр. 14 Две собаки. - *В стране, что Койлою зовётся / В честь государя-полководца…* - Койл (Кайл) - легендарный король пиктов, древнейших жителей Шотландии.

Стр. 14 *…он из мест, где за трескою / Идёт рыбак*

тропой морскою. - Т. е., *Цезарь* - породы ньюфаундленд (Ньюфаундленд - остров у восточных берегов Северной Америки).

Стр. 15 *И Люатом прозвал он псину, / Припомнив горскую былину.* - Поэт прозвал своего пса по имени собаки Кухулина, ирландского короля, героя эпической поэмы Джеймса Макферсона (1736-1796) "Фингал" (1762). (На этот счёт сохранились примечания Р. Бернса).

Стр. 16 *На золотом - отличный Джорджик...* - Имеется в виду золотая монета с изображением Георга III (1738-1820), английского короля с 1760 г., представителя Ганноверской династии.

Стр. 19 *Хэллоуин, хоть бледен ликом, / Грядёт с веселием великим.* - *Хэллоуин* - праздник, канун дня Всех Святых (31 октября).

Стр. 21 *Лэрд* - помещик в Шотландии.

Стр. 23 *Джентри* - нетитулованное мелкопоместное дворянство.

Стр. 24 Смерть и последние слова бедной Мейли, овцы, единственной любимицы автора: весьма печальное повествование. - Это - первое стихотворение, написанное Бернсом на шотландском диалекте.

Стр. 33 Послание дьяволу. - *Ты, всякий день страданья множа, / Пытал Иова?* - Библия Ветхий Завет. Книга Иова.

Стр. 33 *...Слаб мой шотландский.* - В Библии сказано: [7]И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. [8]Но не устояли, и не нашлось уже для них места

на небе. [9]И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю и ангелы его низвержены с ним.

Библия Новый Завет. Откровение Святого Иоанна Богослова. Глава 12, стихи 7-9.

Стр. 34 Серьёзный призыв и настоятельная просьба автора, обращённые к шотландским представителям в палате общин. - В начале 1786 г. парламент Великобритании принял закон об акцизных сборах. Его строгое проведение в жизнь задело интересы производителей шотландского виски. Их тревоги и волнения заставили Р. Бернса взяться за перо.

Стр. 34 *Ирландцы!* - Р. Бернс обращается так к своим соотечественникам, потому что старшим сыновьям знатных шотландских фамилий, - формально, согласно одной из статей англо-шотландской унии 1707 г., - запрещалось заниматься парламентской деятельностью.

Стр. 35 *...При встрече с Питтом...* - имеется в виду Вильям Питт Младший (1759-1806), премьер министр Великобритании в 1783-1801 и 1804-1806 гг.

Стр. 35 *Представьте... / Как над чертополохом ныне / Шотландия рыдает...* - чертополох, татарник - национальная эмблема Шотландии.

Стр. 35 *Скрыня* - короб, сундук.

Стр. 35 *Ох, аппарат ему, скотине, / Вот-вот откроется!* - Речь идёт о перегонном кубе, которым пользовались тайно, беззаконно. Акцизный чиновник пытается найти его и конфисковать.

Стр. 36 *...будь...я... Босуэллом-молодцом...- Джеймс Босуэлл* (1740-1745), английский писатель, автор образцовой биографии "Жизнь Сэмюэла Джонсона" (1741).

Стр. 36 *Стефан их эхом повторит, - / Слыхать далече!* - речь идёт о палате общин. (В том месте, где возведено здание палаты общин, первоначально находилась часовня Святого Стефана).

Стр. 37 *Где ты, Милиция-любовь?* - Парламент Великобритании того времени отверг закон о шотландской милиции: англичане остереглись вооружать своих беспокойных соседей, в которых жива ещё была память о недавней самостоятельности.

Стр. 38 *Скажите Фоксу... Ему пора, своё отфокся, / С бабьём возжаться! - Чарльз Джеймс Фокс* (1749-1806) - английский политический деятель, виг.

Стр. 39 *Все (сорок пять!) сверните споро / По фиге смачной!* - После объединения Англии и Шотландии в 1707 г. в парламенте нового государства, Великобритании, Шотландия была представлена 61 депутатом (45 - в палате общин, 16 - в палате лордов). От Англии заседали 513 депутатов.

Стр. 39 *Тьфу! Галки гадят без конца / Вокруг Сент-Джеймсского дворца! - Сент-Джеймсский дворец* - во времена Р. Бернса - резиденция английских королей в Лондоне.

Стр. 42 **Обращение к весьма добродетельным персонам, сиречь - к сугубым праведникам.** - Ссылка на библейский текст носит, конечно, иронический характер.

В книге Екклесиаста, или Проповедника, - глава 7, стих 16, - сказано: "Не будь слишком строг и не выставляй себя слишком мудрым: зачем тебе губить себя?"

Следует отметить, что Р. Бернс не был ни религиозным фанатиком, ни воинствующим атеистом.

Стр. 45 Послание молодому другу. - Послание адресовано Эндрю Эйкену, сыну Роберта Эйкена, друга Бернса.

Стр. 46 *...Там нет любви и чувства!* - После этой строфы у Бернса имелась ещё одна строфа, позже изъятая:

Сумей, ошибку соверша,
В душе не сеять смуту.
Да будет гордою душа
И в чёрную минуту!
Будь повнимательней, дружок,
Придёт на помощь время,
И об ошибке - минет срок -
Забыто будет всеми.

Стр. 48 Шотландский виски. - Стихотворение написано в начале 1786 г. - по тому же поводу, что и "Серьёзный призыв и настоятельная просьба автора, обращённые к шотландским представителям в палате общин" (см. сноску к этому стихотворению). Эпиграф - ещё один пример иронического "цитирования" библейского текста. В Книге Притчей Соломоновых - глава 31, стихи 6-7 - сказано: "[6]Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; [7]Пусть он выпьет, и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своём страдании".

Стр. 53 *... потеря из потерь - / Ты, виски*

Феринтош... / А ты, о Форбес, - ты похерь / Патент навеки! - Виски Феринтош производил Форбес из Куллодена. Привилегия на производство этого напитка была отозвана парламентом в 1785 г. Форбесу уплатили компенсацию за убытки - 20 тыс. фунтов стерлингов.

Стр. 59 Стихи о шотландском поэте, уехавшем в Вест-Индию. - В этом стихотворении Роберт Бернс пишет о самом себе: гонимый нуждой, он хотел уехать на о. Ямайку, и лишь огромный успех его первой книги стихов (1786 г.) побудил его остаться на родине.

Стр. 60 *Койла* - Юго-Западная Шотландия, где жил Роберт Бернс.

Стр. 62 Послание Эдинбургу. - *Барнет* - мисс Элиза Барнет, дочь лорда Монбоддо.

Стр. 67 Плач по Джеймсу, графу Гленкэрну. - *...Но не забуду я, Гленкэрн, / Тебя и милости твои!* - Своего четвертого сына Р. Бернс назвал Джеймсом Гленкэрном - в память о покойном графе.

Стр. 67 Жалоба Марии, королевы шотландцев, наблюдающей приход весны из окна своей темницы. - Стихотворение посвящено шотландской королеве Марии Стюарт (1542-1587), казнённой с ведома английской королевы Елизаветы I.

Стр. 69 Два стада. - Стихотворение - злая сатира на две религиозные секты, затеявшие многолетнюю свару из-за незначительных расхождений в вопросах веры. "Старо-светские" и "ново-светские" - представители "старого толка" и "нового толка" в этом споре.

Стр. 74 Стихи о капитане Гроузе, известном

собирателе старины этого королевства, написанные в связи с его недавними странствиями по Шотландии. - *Фрэнсис Гроуз* (1730-1791) - выдающийся шотландский археолог, антиквар и лексикограф. Автор 8-томного труда "Английские и уэльские древности" - первый том вышел в свет в 1773 г., - и 2-томного труда "Шотландские древности" - оба тома вышли в свет 1790 г. (Именно для этого 2-томника Р. Бернс сочинил свою знаменитую поэму "Тэм О'Шентер"). Ф. Гроуз написал книги по истории старинного оружия, доспехов и крепостей. Его перу принадлежат - "Классический словарь родного языка" и "Провинциальный глоссарий".

Стр. 74 *Меж Джонни Гротса - Мейденкирка - Джонни Гротс* - так Р. Бернс фамильярно называет д. Джон о'Гротс, самую северную точку о-ва Великобритания. В книге "Шотландия: статистический отчёт", изданной в 1793 г., говорится, что деревушка была названа по имени Яна де Грота и его двух братьев, голландских переселенцев, обосновавшихся здесь при шотландском короле Иакове IV (1473-1513) и имевших на то охранную грамоту.

Мейденкирк - ироническое прозвище Эдинбурга.

Стр. 75 *И есть тут Евины косицы, / И Тувалкаиновы крицы, / И Валаамовой ослицы / Есть гениталии, / Здесь Аэндорской ведьмы спицы / Есть - и так далее. - Ева* - согласно Библии, прародительница человеческого рода, жена Адама.

Тувалкаин - библейский персонаж, сын Ламеха, потомка Каина. Был "ковачем всех орудий из меди и

железа"(Ветхий Завет. Бытие. Глава 4, стих 22).

Крица -"свежая глыба вываренного из чугуна железа" (В. Даль).

Валаамова ослица - библейский персонаж (Ветхий Завет. Числа. Глава 22).

Аэндорская ведьма - волшебница из Аэндора, предсказавшая гибель Саулу, царю израильскому. (Ветхий Завет. Первая книга Царств. Глава 28).

Стр. 77 О пасторальной поэзии. - *Работал Мильтон под Гомера, / Эсхил - Шекспирова химера, Поп... для примера / Берёт Горация, / У Энн Барболд - Сапфо манера / И та же грация. - Джон Мильтон* (1608-1674) - великий английский поэт.

Гомер - легендарный древнегреческий поэт, предполагаемый автор "Илиады" и "Одиссеи".

Эсхил (ок. 525-456 гг. до н.э.) - великий древнегреческий поэт-драматург.

Химера - огнедышащее чудовище в древнегреческой мифологии. В переносном смысле - несбыточная мечта.

Александр Поп (Поуп) (1688-1744) - выдающийся английский поэт.

Гораций (65-64гг. до н. э.) - великий римский поэт.

Энн Барболд - Анна Летиция Барболд (1743-1825) - шотландская поэтесса и писательница.

Сапфо (7-6 вв. до н. э.) - выдающаяся древнегреческая поэтесса.

Стр. 77 *А кто поддержит Феокрита? / Далёк Вергилий от пиита. - Феокрит* (конец 4 в. - 1-я пол. 3 в. до н. э.) - древнегреческий поэт, создатель буколической

(пастушеской) поэзии.

Вергилий (70-19 гг. до н.э.) - великий римский поэт.

Стр. 78 *Пусть крепость времени сдается, / И пал Тамталлан, - / В столетьях эхом отзовётся / Твой гений, Аллан! - Тамталлан (или Танталлон)* - древний замок графов Ангус, возведённый на берегу Северного моря в графстве Ист Лотиан в Шотландии. Сейчас на том месте - груды развалин.

Аллан - Аллан Рамсей (Рамзи) (1686-1758) - шотландский поэт.

Стр. 78 *И сладко плачет Филомела / О чём-то вечном.* - *Филомела* - соловей.

Стр. 80 Свисток. - *Я вызову дух Рори Мора на свет.* - *Рори О'Мор* (1620-1652) - один из вождей ирландского восстания 1641-1652 гг.

Стр. 81 *И Феб легендарный порядком хлебнул.* - *Феб* - божество солнечного света у древних греков.

Стр. 81 *...Почувствовав Цинтии ясный намек.* - *Цинтия* - луна.

Стр. 82 "Подлинная прозаическая история Свистка весьма любопытна, - пишет Р. Бернс - Вот она: - Когда Анна Датская с супругом своим Иаковом Шестым прибыли в Шотландию, в её свите прибыл и некий датчанин - джентльмен громадного роста, великой удали и к тому же несравненный поборник Бахуса. У него был маленький свисток чёрного дерева. В начале всякой оргии датчанин выкладывал его на стол; кто был состоянии дунуть в свисток последним, - меж тем как остальные, побеждённые могуществом бутылки, сделать того не могли, - тот и

забирал свисток в качестве трофея. Датчанин предъявил сие свидетельство своих побед, одержанных без единого поражения при дворах Копенгагена, Стокгольма, Москвы, Варшавы и при нескольких мелких дворах Германии, и предложил шотландским пьяницам либо испытать его, датчанина, доблесть, либо признать своё поражение. Одержав над шотландцами множество побед, сей заморский джентльмен и сам, в конце концов, понёс урон от сэра Роберта Лоури из Максвельтона (предка нынешнего достойного барона, носящего то же имя), который, одержав верх в нелёгком состязании, длившемся три дня и три ночи, отправил бравого скандинава под стол, и над своим - теперь уже бывшим - владельцем именно тогда впервые

Свисток отходную задорно свистел.

Впоследствии сэр Уолтер, сын вышеупомянутого сэра Роберта, проиграл свисток Уолтеру Ридделлу из Гленридделла, который был женат на сестре Уолтера. В пятницу, 16 октября 1690 года, в поместье Фрайарс-Карс свисток был разыгран снова. Тяжущимися сторонами, как повествует баллада, выступили - нынешний сэр Роберт Лоури из Максвельтона; Роберт Ридделл из Гленридделла, эсквайр, прямой потомок и представитель Уолтера Ридделла, который выиграл свисток и в чьей семье он хранился; Александр Фергюсон из Крейгдэррока, эсквайр, также потомок великого сэра Роберта. Сей последний джентльмен, претерпев тяжкие испытания, с честью

выиграл бесподобный трофей". Р. Б.

Стихотворение было написано в 1789 году.

Стр. 87 Послание Джону Рэнкину. - *Банкер-Хилл* - возвышенность в г. Чарльстауне (штат Массачусетс, США). Здесь 17 июля 1775 г. произошло кровопролитное сражение между английскими и американскими войсками.

Стр. 94 Письмо Джону Гуди из Килмарнока. - *Чёрный Джок* - преподобный Джон Рассел из Килмарнока, упоминаемый в стихотворении"Два стада".

Стр. 104 Поэтическое послание портному. - Послание адресовано Тэмми Уокеру, портному из деревушки Охилтри, который на досуге пописывал стишки.

Стр. 115 Закон природы. - Сын Бернса, названный в честь отца Робином, родился 3 сентября 1786 г.

Стр. 119 Стихи, написанные по случаю визита к лорду Диру. - *Вильям Хогарт* (1697-1764) - великий английский художник.

Стр. 120 Надпись на камне, который Роберт Бернс поставил на могилу шотландского поэта Роберта Фергюсона. - *Роберт Фергюсон* (1750-1774) - выдающийся шотландский поэт, оказавший огромное влияние на творчество Роберта Бернса.

Стр. 125 Стихи для мисс Логан, которой поэт преподнёс томик произведений Битти в качестве новогоднего подарка. - *Джеймс Битти* (1735-1803) - поэт, уроженец Шотландии. *Эдвин* - главный герой его стихотворного романа "Менестрель" (первая часть была опубликована в 1771 г., вторая - 1774). Роман пользовался большой популярностью. С 1773 г. Д. Битти стал получать

ежегодную королевскую пенсию в 200 фунтов стерлингов.

Стр. 136 Ещё одна эпиграмма на ту же тему. - *Артемизия* - сестра и жена карийского царя Мавсола. После его смерти правила страной в 352- 350 гг. до н. э. В память об усопшем Мавсоле воздвигла величественную гробницу, признанную одним из семи чудес света (отсюда слово "мавзолей"). В знак скорби смешала прах супруга с вином и выпила чашу.

Стр. 136 Иеремиада. - *Иеремиада* - "слёзная, плачевная жалоба" (В. Даль), от имени библейского пророка Иеремии, жившего в 7-6 вв. до н. э. См.: Ветхий Завет, "Книга Пророка Иеремии". (Русское соответствие этому имени - Еремей).

Стр. 138 Ответ священнику из Глэдзмьюира. - *Эзоп* - древнегреческий баснописец (6 в. до н. э.) В басне Эзопа, на которую намекает Р. Бернс, рассказывается о льве, который, состарившись, ослаб настолько, что звери начали безнаказанно мстить ему за прежние страхи и обиды. Лев терпеливо сносил оскорбления, но когда он увидел, что глупый осёл, - и тот, собираясь с силами, вот-вот лягнёт его, - лев, обращаясь к богам, попросил у них скорой смерти, полагая, что наихудшее зло - не гибель, не кончина, а побои от презренного животного.

На этот сюжет написана басня И. А. Крылова "Лев состаревшийся".

Стр. 141 Стихи, написанные на окне гостиницы в Карроне. - *Каррон* - город на берегу залива Ферт-оф-Форт в Шотландии (к северо-востоку от Глазго). Во времена Бернса там располагался крупный чугуно-литейный завод,

где отливали корабельные пушки, знаменитые "карронады" (были на вооружении с 1778 по 1860 гг.)

Стр. 142 Экспромт, сочиненный в честь Вильяма Смелли, автора "Философии естественной истории", члена Антикварного и Королевского обществ Эдинбурга. - *Вильям Смелли* (1740-1795) - шотландский учёный, составитель первого издания "Британской энциклопедии" (1768-1771)

Стр. 156 Тэм-капеллан. - *Капеллан* - армейский священник.

Стр. 156 Эпитафия самому себе. - *Росинант* - старая, исхудавшая кляча Дон Кихота.

Стр. 163 Ещё одна молитва после вкушения мясного. - *Вильям Хизлоп* - хозяин таверны "Глобус" в Дамфризе.

Стр. 167 Эпиграмма на Эльфинстона, переводчика эпиграмм Марциала. - *Марциал* (I век до н. э.) - римский поэт, автор многочисленных эпиграмм.

Стр. 170 Экспромт свежеиспечённого акцизного. - Стихотворение написано 1788 году. Р. Бернс вынужден был стать акцизным чиновником, чтобы содержать семью.

Стр. 172 Эпитафия Вильяму Николу, преподавателю из Эдинбурга. - Некоторые эпитафии, - в том числе и эту, - Р. Бернс писал для живых людей, часто для своих лучших друзей. По сути - это шуточные эпиграммы, на которые, конечно же, никто не обижался.

Стр. 177 Эпитафия коротышке Джонни. - Hic jacet (лат.) - здесь покоится.

Стр. 182 Горянка Мэри. - *И пусть Монтгомери века / Стоит неколебимо!* - Имеется в виду замок Койлфилд-

Хаус, в котором в 1786 г. поселилась семья по фамилии Монтгомери.

Стр. 185 Вас Уоллес вёл вперёд... - *Баннокберн* - здесь 24 июня 1314 г. шотландцы под командованием Роберта Брюса одержали решительную победу над английскими войсками короля Эдуарда II.

Уоллес - национальный герой Шотландии.

Стр. 187 Последнее слово Макферсона. - Пират Джек Макферсон был приговорён к смертной казни и повешен в г. Банф в 1700 г. Английский писатель Вильям Гаррисон Эйнсворт (1805 - 1882) в комментариях к своему роману "Руквуд" (вышел в свет в 1834 г., главный герой - разбойник Дик Тюрпин) утверждает, что когда Джека везли к виселице, он играл на волынке мелодию собственного сочинения. Мелодия, по словам Эйнсворта, "дошла до наших дней", т. е., надо полагать, её ещё помнили в первой трети прошлого столетия.

Стр. 188 Прощание. - Р. Бернс стал членом масонской ложи в Тарболтоне 4 июля 1781 г. С 1787 г. - ассоциированный член и "поэт-лауреат" старинной ложи "Кэннонгейт Килвиннинг" в Эдинбурге.

Стр. 189 Лорд Кенмур сбирается, Вилли... - *Им с Кенмуром вига не страшно... - Виги* - политическая партия. Выражала интересы крупной торговой и финансовой буржуазии и обуржуазившейся дворянской аристократии. Предшественница современной Либеральной партии Великобритании.

Стр. 195 Дамфризские волонтёры. - В 1795 г. Роберт Бернс вступил в ряды дамфризских волонтёров. К тому

времени революционные войны Франции перешли в захватнические. Стихотворение - призыв к национальному единению перед лицом внешнего врага.

Стр. 197 Блестящий век увял, поблек... - В 1707 г. Англия и Шотландия стали единым государством. Шотландский парламент и правительство были упразднены. В Шотландии было немало противников объединения, которое, в частности, привело к увеличению прямых и косвенных налогов (на 15 - 20 процентов). В стихотворении звучит проклятие в адрес "специальных уполномоченных", правивших в Шотландии от имени новых властей.

Стр. 199 Шерамурское сражение. - Шерамурское (Шерифмурское) сражение 13 ноября 1715 г. между английскими войсками под предводительством герцога Аргайла (3.500 чел.) и шотландскими горцами (9.000 чел.) во главе с графом Маром закончилось отступлением англичан в г. Стерлинг. Ни одна из сторон не смогла одержать решительной победы и потому в песнях и балладах того времени сражение описывалось с иронией, с издёвкой. Роберт Бернс продолжил эту традицию.

Стр. 199 *У их врагов мундир багров, / Кокарда их черна, брат.* - Описывается обмундирование английских войск. Чёрный - цвет правившей тогда Ганноверской династии.

Стр. 200 *На красный двинул голубой.* - Т. е. шотландцы двинулись против английских войск.

Стр. 205 Праздник на лоне природы. - *Борей* - в древнегреческой мифологии - бог северного ветра.

Стр. 211 Стихи, написанные по случаю отъезда мисс Лесли Бейли в Англию. - *Она, как Александру, / Вам низко поклонится.* - Бернс имеет в виду царя Александра Македонского.

Стр. 213 Долой заморочки...- *Роберт Моссгил* - Роберт Бернс имеет в виду самого себя.

Моссгил - название фермы, которую он арендовал.

Том Джонс - главный герой романа "История Тома Джонса, найдёныша" английского писателя Генри Филдинга (1707-1754).

Грандисон - главный герой романа "История сэра Чарлза Грандисона" английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689-1761)

Стр. 225 Плач о Куллодене. - В битве при Куллодене (16 апреля 1746 г.) английские войска нанесли тяжкое поражение шотландским горцам. Преследуя противника, английский главнокомандующий герцог Камберленд проявил крайнюю жестокость, за что получил прозвище "Мясник".

Стр. 225 Откуда прёшь, хорош-пригож?.. - В сражении у горного перевала Килликранки 27 июля 1689 года шотландские горцы под командованием Данди наголову разбили английские королевские войска, верные Вильгельму III Оранскому.

СОДЕРЖАНИЕ

Тэм О'Шентер 6
Две собаки 14
Смерть и последние слова бедной Мейли, овцы, единственной любимицы Автора: весьма печальное повествование 24
Элегия на смерть моей бедной овцы Мейли 27
Послание Дьяволу 29
Серьёзный призыв и настоятельная просьба Автора, обращённые к шотландским представителям в палате общин 34
Обращение к весьма добродетельным персонам, сиречь - к сугубым праведникам 42
Послание молодому другу 45
Шотландский виски 48
"Для горести и боли..." 54
К разорению 57
Стихи о шотландском поэте, уехавшем в Вест-Индию 59
Послание Эдинбургу 61
Плач по Джеймсу, графу Гленкэрну 64
Жалоба Марии, королевы шотландцев, наблюдающей приход весны из окна своей темницы 67
Два стада 69
Стихи о капитане Гроузе, известном собирателе старины этого королевства, написанные в связи с его недавними странствиями по Шотландии 74

О пасторальной поэзии 77
Свисток 79
Уныние 82
Послание Джону Рэнкину 86
Вилли Чалмерс 89
Второе послание Дэви 91
Эпитафия на могилу поэта 93
Письмо Джону Гуди из Килмарнока 94
Послание преподобному Джону Макмату 97
Послание майору Логану 101
Поэтическое послание портному 104
Ответ на стихи, присланные поэту владелицей
поместья Уокоп-Хаус 107
Послание полковнику Де Пейстеру 111
Зима 113
Закон природы 114
Послание мистеру Джону Кеннеди 116
Телец 117
Стихи, написанные по случаю визита
к лорду Диру 118
Надпись на камне, который Роберт Бернс
поставил на могилу шотландского поэта
Роберта Фергюсона 120
Стихи на порубку леса близ Драмланрига 121
Строки, адресованные мистеру Митчеллу 123
Стихи для мисс Логан, которой поэт преподнёс
томик произведений Битти
в качестве новогоднего подарка 125
Стихотворение, написанное для джентльмена,
который прислал газету Роберту Бернсу,

предложив и впредь делать это бесплатно 126
Стихи для джентльмена, которого я обидел 128
Ребёнку, который появился на свет
после смерти отца в семье, претерпевающей
крайнюю нужду 128
Эпитафия дочери поэта 130
Набросок 130
Капитану Ридделлу из Гленридделла,
возвращая газету. 131
"Благоразумье мне твердит напрасно..." 132
"Пускай любовь, и дружбу и богатство...." 132
Трагический фрагмент 133
"Горю, горю...." 134
Затюканный супруг 135
Эпиграмма по тому же случаю 135
Ещё одна эпиграмма на ту же тему 136
Иеремиада 136
В Стерлинге 137
Строки в ответ на предыдущие стихи 137
Ответ священнику из Глэдзмьюира 138
Экспромт в Высшем суде 138
Молитва перед обедом 139
На смерть друга 140
Стихотворение о гостеприимстве горцев 140
Стихи, написанные на окне гостиницы в Карроне 141
Эпиграмма, написанная в Инверэри 141
Экспромт в честь Вильяма Смелли 142
Экспромт для мистера Сайма 143
Мистеру Сайму при подношении портера 143
Эпиграмма на мисс Джесси Льюарс, написанная

карандашом на оборотной стороне входного билета при посещении бродячего зверинца 144
На выздоровление мисс Джесси Льюарс 145
Надгробная надпись для мисс Джесси Льюарс 145
Доктору Максвеллу по случаю выздоровления мисс Джесси Стейг 146
Тост 146
Строки, написанные на книге Ханны Мор 147
На смерть комнатной собачки по кличке Эхо 148
Надпись на кубке 148
Книжный червь 149
Фрагмент (Твоя улыбка умерла...) 149
Раскаяние 150
Лизоблюд 151
Мистеру Макмардо, казначею герцога 151
Даме, просматривавшей Библию 152
Благодарственная молитва в доме графа Селькирка 152
Элегия на смерть доброй лошади, которую звали Пэг Никольсон 153
Джону Тейлору 154
Строки, написанные на банкноте 155
Эпиграмма на известного хлыща 155
Тэм-капеллан 156
Эпитафия самому себе 156
Экспромт о Бэконе, хозяине гостиницы 156
На твердолобого тупицу, или к вопросу об умственных способностях интенданта Гоулди 157

Стихи, написанные для некоей леди 157
Эпиграмма на Марию 158
На красавицу Элизу Д-н 158
Ответ на просьбу Хлорис 159
Мистеру Макензи, хирургу из Мохлина 159
Художнику 160
Стихи, начертанные на бокале 160
Стихи, написанные на окне таверны 161
Фрагмент (Нас развела не свара волчья...) 161
Национальные торжества по случаю победы
над врагом 161
К*** 162
Александру Каннингему, писателю 162
Молитва перед вкушением мясного 163
Молитва после вкушения мясного 163
Ещё одна молитва после вкушения мясного 163
И ещё одна молитва после вкушения мясного 164
Строки, написанные экспромтом 164
Бутылка 164
На хлыща-сквернослова 165
На Эндрю Тёрнера 165
На Джеймса Грейси, настоятеля собора 165
Строки, написанные под портретом мисс Бернс 166
На мисс Джинни Скотт из Эйра 166
Эпиграмма на капитана Фрэнсиса Гроуза,
известного собирателя старины 166
Эпиграмма на Эльфинстона, переводчика
эпиграмм Марциала 167
Ответ на приглашение капитана Ридделла 167

Эпиграмма на сельского лэрда 168
В тот день, когда лэрд Кардонесс показал нам
свою усадьбу 168
В тот день, когда я увидел прекрасную усадьбу
лорда Галлоуэя 169
Эпиграмма на лорда Галлоуэя 169
Лорду Галлоуэю (Не сулите мне свою вражду...) 169
Стихи для Джона Рэнкина 170
Экспромт свежеиспеченного акцизного 170
Эпиграмма по поводу мнения о том,
что сами глаза преподобного Бэббингтона
источают ложь 171
О бедности и политике 171
Эпитафия Вильяму Николу 172
Эпитафия сельскому сквайру 172
Эпитафия моему отцу 172
Эпитафия Джону Даву 173
Эпитафия Джону Бушби 174
Эпитафия мохлинскому праздношатайке 174
Эпитафия некоему джентльмену по прозвищу
“Маркиз” 175
Эпитафия Уолтеру Ридделлу 175
Эпитафия Габриэлю Ричардсону, пивовару 176
Эпитафия Гэвину Гамильтону, эсквайру 176
Эпитафия Роберту Эйкену, эсквайру 176
Эпитафия небезызвестному приходскому старосте
сапожнику Худу 177
Эпитафия Коротышке Джонни 177
Эпитафия полемисту-скандалисту 177
Эпитафия Джеймсу Гриву, лэрду Богхеда 178

ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ

Мэри Морисон 180
Горянка Мэри 182
Стихи о Мэри, которая ушла на небеса 183
“Где птичья песенка слышна...” 184
“Вас Уоллес вёл вперёд...” 185
Последнее слово Макферсона 187
Прощание 188
“Лорд Кенмур сбирается, Вилли...”… 189
Капитанская Леди 190
“Люблю я пиво, добрый эль...” 191
“Не создан я был для парламентской
битвы...”... 192
“Плачу тебе, хозяйка!” 193
“Хозяйка, счет скорей неси...” 194
“Ой, с девкою сойдёшься...”… 194
Дамфризские волонтеры 195
“Без Джеми в Шотландию мир не придет!” 196
“Блестящий век увял, поблек...” 197
Ленивый туман 198
Шерамурское сражение 199
“Жил-был в Келлиберне один мужичок...” 201
Праздник на лоне природы 204
Видение 206
“Дурень, дурень, что ворчишь...” 208
“Нэнси, Нэнси, весь я твой...” 209
Жалоба матери, потерявшей сына 210
Стихи, написанные по случаю отъезда
мисс Лесли Бейли в Англию 211

Молитва о Мэри 212
“Долой заморочки...” 213
“Светлый май, приди с любовью...” 214
“В чистом поле снега нету...” 214
На берегах реки Нит 215
Полли Стюарт 215
Щипнул гусак папашу 216
Плывём к принцу Чарли 216
“Портняжка напёрсток в постель обронил...” 217
Эппи Адэр 218
“Я помню каждый день и час...” 219
“Беда одолела - великая, злая...” 219
Хлорис болеющей 220
Капитан Гроуз 220
Жена Вилли 222
“Красив, да, однако, большой задавака...” 223
Моя овечка 224
Плач о Куллодене 225
“Откуда прёшь, хорош-пригож?” 225
“На Купер-хилл я восходил...” 226
“Паши усердно, не спеша...” 227
“Овсянки дай да маслица...” 227
“С Дженни Маккро мы отправились в ригу...” 228
“Как раз под Праздник Всех Святых...” 228
“Пришёл из Файфа музыкант...” 229
“К чёрту охи, к чёрту ахи...” 229
Прощай! 229

КОММЕНТАРИИ 231

Бернс Р.

Избранные стихотворения./в переводах Евг. Фельдмана./ Комментарии Евг. Фельдмана. - Омск.: “АРКОР”, 2000. - 256 с.

ISBN 5-89115-010-7

Литературно-художественное издание

БЕРНС Роберт

ИЗБРАННЫЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ
в переводах
Евгения Фельдмана

Редактор Н. В. Андреева
Компьютерная вёрстка О. Б. Поспеловой

Подписано в печать 01.07.2000
Гарнитура Baskerville_A.Z._PS
Формат 70x100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз.

Издательство «АРКОР»
644001, г. Омск, ул. Лермонтова, 93
тел. (381-2) 56-31-28

Лицензия ЛР № 06374464